

НОВАЯ МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Приключения «Небесного странника»
НОВИНКА!
продолжаются.

ВЛАДИМИР КОРН

ОПАСНЫЕ НЕБЕСА

Владимир Алексеевич Корн

Опасные небеса

Серия «Небесный странник», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8321172
Опасные небеса: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085905-4*

Аннотация

Любой человек, избравший судьбу небесного парителя, знает: вряд ли на свете найдется более опасная профессия. Но когда свежий ветер наполняет паруса, земная твердь остается далеко внизу, а впереди, насколько хватает взора, лишь безграничная ширь небес, никто из команды вольного корабля «Небесный странник» не мыслит для себя иной доли. Даже когда судьба сталкивает капитана Сорингера и его друзей с таинственным черным кораблем, прозванным «Ночной убийца»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	49
Глава 4	72
Глава 5	93
Глава 6	115
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Владимир Корн

Опасные небеса

Фантастический роман

Глава 1

Энстадская бездна

– А-а-а, капитан Сорингер! – протянул человек за установленным бутылками всевозможных цветов и форм столом. – Проходите, присаживайтесь. Что предпочтете: ром, вино, граппу? Или, быть может, вот этот чудный кальвадос?

И он звонко щелкнул ногтем указательного пальца по бутылке голубоватого стекла с необычно длинным горлышком.

Человек был пьян, пьян, что называется мертвецки, когда в любой момент можно уткнуться лбом в стол и забыться до утра. И тем удивительнее казался его голос – он звучал трезво. И еще взгляд: не мутный, не на грани пьяного безумия. Казалось, он пронизывает насквозь, и от него не удастся скрыть даже самой потаенной мысли.

Пожав плечами, я уселся за стол, поерзал, устраиваясь удобнее, и, ни мгновения не колеблясь в выборе, плеснул себе в высокий, расширяющийся кверху тюльпаном бокал

итайского рома. Щедро так плеснул, наполнив его до половины.

– Ваше здоровье, господин Брендос.

Глоток я сделал весьма скупой, только-только чтобы почувствовать далеко не самый плохой вкус этого сорта рома, возможно, даже лучшего из всех существующих. И не потому, что я не желал своему навигатору здоровья, нет. Оставалось еще несколько важных дел, требующих внимания именно сегодня, и именно на трезвую голову.

Брендос кивнул и неожиданно произнес:

Все тревоги, горести, запреты
Тихо тонут в сладости вина.
Не тревожь меня – я знаю все ответы,
Жизнь прекрасна и душа полна.

«Достоверности ради, тонут они на сей раз не в вине, а в граппе, – наблюдал я за тем, как навигатор вливает в себя содержимое бокала. – Причем граппе настолько крепкой, что даже удивительно, как Рианель, при его вкусе, воспитании, привычках, смог на такое сподобиться. Хотя что тут удивительного...»

– Нет, какая женщина! – восхищенно произнес он. – Какая женщина!

«Эка его! И кто бы мог такое подумать?! – ошеломленно думал я, исподтишка наблюдая за навигатором. – Вот же его угораздило!»

До недавних пор – да чего там! – буквально до вчерашнего вечера, мне казалось, что Рианель Брендос неспособен на такие глубокие чувства, как любовь.

Все случилось именно вчера, на званом вечере в доме господина Агориса Хиериниуса, губернатора острова Энстад, куда мы прибыли после поспешного бегства из Эгастера.

Первоначально визит на остров нами не планировался, все-таки Энстад лежал в стороне от архипелага Габстела, или Островов, куда мы и направлялись, но когда сопровождающий груз господин с труднопроизносимым именем Каилюайль Фамагосечесийт, ничего не имеющий против, когда его величают просто «Кайль», попросил сделать небольшой крюк, я даже немного обрадовался.

Благодаря визиту на Энстад я получал небольшую отсрочку. Сейчас она была кстати, поскольку я был уверен – после того, что произошло в Эгастере, Коллегия в покое меня не оставит. Ну а выяснить, что «Небесный странник» отправился именно на Острова, ей не составит абсолютно никакого труда: Коллегия – организация могущественная, и в родном мне герцогстве, и даже далеко за его пределами.

– Скажите, Сорингер, видели ли вы когда-либо женщину прекраснее Гармелинты? – неожиданно спросил Брендос, оторвавшись от созерцания ночи за огромными витражными окнами особняка губернатора Энстада господина Хиериниуса. Вероятно, ответа от меня никто не ждал, поскольку почти сразу же я услышал: – Вот и я не видел!

И хвала Создателю, что не ждал, поскольку поставил бы меня в весьма неловкое положение: по моему глубоко-му убеждению, самая красивая женщина на целом свете – Софи-Дениз-Мариэль-Николь-Доминика Соланж – моя возлюбленная.

И потому мне пришлось бы промолчать, поскольку солгать этому человеку, даже видя его состояние, я бы не смог.

Повторюсь, попали мы на остров Энстад случайно, и как выяснилось, на беду навигатора Рианеля Брендоса, если можно назвать бедой безответную любовь. Сразу после бегства из Эгастера мы легли курсом на главный город архипелага Монтосел, расположенный на самом большом его острове – Багряном. Удивляться такому названию не стоит: девять островов из десяти носят названия оттенков цветов, и с этим связана особая история, рассказанная мне прямым потомком первооткрывателя архипелага, но о ней как-нибудь позже.

Уходя от предполагаемой погони, мы неслись над Коралловым морем под всеми парусами. Ближе к обеду показался господин Кайль. Позевывая, он неспешно поднялся на мостик, поежился от пронизывающего ветерка. Завидя по правому борту пики далеких гор, поинтересовался:

– А что это за земля, там, почти на горизонте?

Навигатор Брендос, незадолго до этого отложивший астролябию и только что закончивший расчеты, указал кончиком остро отточенного карандаша в точку на карте:

– Мы находимся вот здесь, господин Каиллюайль Фамагосечесийт. А земля, которую вы наблюдаете – остров Энстад.

Я насторожился: какотреагирует этот человек с труднопроизносимым именем, ведь точка, указанная навигатором, лежала немного в стороне от проложенного курса? Не станет ли он возмущаться задержкой в пути? Напротив, Кайль даже обрадовался:

– Капитан Сорингер, так может быть, у нас есть возможность побывать на Энстаде? Не настолько наш груз и срочный, чтобы задержка в два-три дня привела бы его в полную негодность.

И действительно, что может произойти с мачете, наконецниками для копий и тому подобным грузом, покоящимся в единственном трюме «Небесного странника»?

– Понимаете ли, в чем дело, – пустился в объяснения торговец. – Что самое важное для любого купца? – задал он вопрос. После чего сам же и ответил: – Самое важное для любого купца, – и тон у него был если не назидательным, то что-то вроде того, – это умение держать слово. Держать несмотря ни на что.

Я пожал плечами: «Наверное, и для всех остальных это не менее важно».

– Так вот, среди моих знакомых имеется и такой, для которого любые слова не более чем сотрясение воздуха. Его-то я и хотел бы увидеть, поскольку мне известно – он находится сейчас как раз на Энстаде. И если у нас есть такая возмож-

ность...

– Хорошо, господин Кайль, – после секундного раздумья решил я. – До архипелага почти две недели полета, так что небольшой отдых на земле не будет лишним.

* * *

Остров Энстад, расположенный в нескольких днях лёта от побережья Эгастера, особенно крупными размерами не отличается. Так, весьма средней величины, к тому же в стороне от оживленных небесных путей. Именно небесных, поскольку Коралловое море название свое носит по праву. И если в северной части моря судоходство еще осуществимо, то ближе к Энстаду морем его назвать можно лишь с большой натяжкой: оно просто кишит бесчисленными островками, атоллами, банками и отмелями. Но и в проливах между ними глубокой воды не дождешься – так, курица колен не замочит. Мелким это море остается вплоть до самого своего южного побережья, там, где оно упирается в материк, носящий название Альвенда, так что пересечь бо2льшую часть его получится только по воздуху.

На самом острове всего три поселения, и самое крупное из них тоже имеет название Энстад.

Гости вроде нас явление на острове достаточно редкое, и потому, едва я успел приземлить «Небесный странник», к нам на борт явился человек с приглашением посетить дом

Агориса Хиериниуса, местного губернатора. К тому же выяснилось, что именно сегодня он дает бал.

Балом событие назвать было трудно, все-таки Энстад – дыра еще та, и все же вечер прошел на удивление весело.

Музыка, танцы, великолепный стол... Особенно меня впечатлила скоблянка из трепанга под местное вино, оказавшееся весьма недурственным. Ну и гостеприимный хозяин – губернатор Хиериниус, к моему удивлению, выглядевший ненамного старше меня, а ведь мне еще и четверти века не стукнуло.

Все прошло бы замечательно, если бы не два, вернее, как выяснилось позже, три момента. На один из них внимания можно было бы и не обращать, признаться, к таким вещам я почти привык: один из гостей дома Хиериниуса, кстати, изрядно подвыпивший, довольно пренебрежительно назвал мой «Небесный странник» скорлупкой.

– Видал я летучие корабли и в два, а то и в три раза больше, – разглагольствовал он, как будто мне самому видеть их не приходилось.

Причем не только видеть, но и летать на них, и даже спасти один из таких гигантов, что, наверное, приди кому-нибудь в голову посадить его на остров, как раз половину территории он и занял бы. Конечно же, я преувеличиваю, но это не значит, что я должен выслушивать этого типа, как выяснилось с его же слов, всю жизнь проводшего на Энстаде и носа с него не высовывавшего. Откровенно говоря, очень

хотелось завести его в темный уголок и от души приложить кулаком по тому внутреннему органу в правом подреберье, о состоянии которого, судя по сизому носу, он совершенно не заботится.

Спас меня Кайль, заявившийся с самым довольным выражением лица ближе к середине вечера. Завидя мою кислую физиономию, он довольно бесцеремонно подхватил моего назойливого собеседника под локоть и едва ли не насильно куда-то увел.

Откровенно говоря, кислым лицо у меня было не только из-за разговора с этим, как выяснилось, собирателем трепангов, чей вкус я нашел отменным, имелась и другая причина. Николь надела то самое платье, в котором я и повстречал ее в Эгастере, и которое она не успела продемонстрировать на вечере в доме тамошнего бургомистра. Так вот, платье само по себе красивое, и очень ей идет, но длина подола, согласно недавней столичной моде, едва достигает щиколоток.

Поначалу я опасался, что наряд Николь вызовет у присутствующих на вечере следующую реакцию: «Мол, что они себе позволяют в этих столицах, и куда вообще катится мир?!» Но нет, дамы явно прикидывали – как подобное одеяние смотрелось бы на них, ну а мужчины, естественно, интерес проявляли к другому.

Николь и в безобразном просторном балахоне выглядит так, что мужчины оглядываются ей вслед, а уж сейчас!.. Когда в перерыве перед очередным туром Николь подошла ко

мне и спросила: «Милый, и чего это у тебя такой кислый вид, когда так весело?» – я долго соображал, как бы ответить так, чтобы не испортить ей настроение. А когда, наконец, собрался с мыслями, она уже была приглашена очередным кавалером, напоследок показав мне язык.

В тот момент, когда я в очередной раз проклинал себя, что принял решение завернуть на остров, где кроме трепангов и вина ничего хорошего нет, и произошло то событие, после которого на следующее утро я застал своего навигатора в таком состоянии.

В залу вошла одетая во все черное дама. Она была стройная, молода, красива, и даже траурный наряд очень ей шел. Поначалу ее лицо мне показалось знакомым, но приглядевшись, я понял, что ошибаюсь. Вероятно, это произошло потому, что выглядела она как уроженка юга герцогства, откуда я родом. Не сказать, что мы отличаемся чем-то особенным от остальных жителей герцогства, и все же смуглость кожи, темный цвет волос и глаз распространены на юге настолько, что крайне редко можно увидеть другие типы, разве что рыжие тоже попадаются. И еще уроженцам юга герцогства присуща некоторая сухопарость, толстяки в наших местах явление редкое.

Рианель Брендос в это время находился в окружении нескольких мужчин почтенного возраста и что-то им вещал с обычным своим невозмутимым выражением лица. Вероятно, что-то очень интересное, поскольку слушали они его с

неослабевающим интересом. И тут он увидел ее. Даже через залу было видно, как он вздрогнул всем телом.

– Гармелинта, вдова Клемента Рубиса, – услышал я недалеко от себя. – Первый ее выход в свет за целый год. А уж как она его любила!

Судя по тому, что Рианель что-то спросил у одного из окружавших его почтенных жителей Энстада, указав на нее взглядом, он услышал то же самое.

«В тяжелое положение попал мой навигатор, – размышлял я, глядя, однако, на то, как Николь кружится в танце с очередным кавалером, который мне категорически не понравился. Его улыбочки показались мне какими-то двусмысленными, а сам он выглядел хлыщом. – Женщину, носящую траур, не пригласишь на танец. И Брендосу, с его воспитанием, сказать ей комплимент даже в голову не придет. Да и у нее самой такой вид, будто эта дама сделала кому-то большое одолжение, поддавшись на уговоры и прибыв сюда».

Так оно все и сложилось: Рианель вздыхал где-то в сторонке, не решаясь к Гармелинте подойти, а я удивлялся тому, что он, оказывается, может быть и таким. Ну а Николь продолжала танцевать, вероятно, твердо решив не отказывать ни одному пригласившему ему кавалеру.

Вечер закончился далеко за полночь. Хозяин дома любезно предложил нам занять гостевые комнаты, поскольку поле, на котором садятся летучие корабли, находилось довольно далеко от города, и мы не менее любезно приняли его при-

глашение.

– Тебе не понравился вечер? Ты вообще вел себя как бука – ни разу со мной не потанцевал! – заявила мне Николь, после того как мы остались наедине.

– Интересно, а как бы мне это удалось? – удивление мое было искренним. – По-моему, там целая очередь выстроилась, чтобы поддержать тебя за талию, а возможно и не только за нее. И вообще, ты могла бы вести себя приличнее.

Ну да, я был на нее зол. Вообще-то, в моем представлении, Николь должна была всем своим видом показывать, что прибыла на вечер не одна, что безумно в меня влюблена, и отшивать всех желающих с ней потанцевать еще на подходе.

Девушка, в ответ на мои слова фыркнула: не дожدهшься, мол, от меня ни малейшего раскаяния. И вообще, случись все заново, ничего бы не изменилось.

– Так потанцевал бы с другой. Была там одна дама, чем-то похожая на леди Эйленору, например с ней. Или с той, что выглядит вылитой как ее... Роккуэль.

Николь стояла ко мне спиной, перед зеркалом, и в его отражении я успел заметить ее взгляд, далеко не самый ласковый.

«Она знает о Роккуэль! – молнией не молнией, но догадка меня озарила. – Эйленора давно для нее не секрет, но откуда она узнала о Роккуэль?! Не иначе, Мирра ей рассказала. Самой Мирре мог поведать только Энди, больше никому, – выстраивал я логическую цепочку. – Она из него верев-

ки вьет, любой длины и диаметра. Только он однажды видел, как Роккуэль пришла ночью в мою каюту.»

— Ну и что ты молчишь?

«Ну а что я могу сказать? Заявить, что знать не знаю никакую Роккуэль и все это наговоры? Так не получится — Роккуэль была нашей пассажиркой целую неделю. Только ведь все дело в том, что случилось это, когда я совершенно был уверен, что потерял Николь навсегда. Что ж, теперь мне точно известно: в моей команде завелся какой-то негодяй. Теперь становится понятным и поведение самой Николь: она хотела, чтобы я ее ревновал, и это ей удалось отлично».

— Так ты мне все же что-нибудь скажешь?

Нет у меня слов, Николь, но зато есть другой способ увильнуть от неприятного разговора. Надежный проверенный способ, он и сейчас должен сработать...

На следующий день мы проснулись поздно, и, зайдя в комнату, отведенную Брендосу, я и обнаружил его в компании разнокалиберных бутылок, среди которых не нашлось ни одной не распечатанной. Вечером того же дня, наблюдая за тем, как Рианель провожает взглядом растворяющийся вдали остров Энстад, я думал о том, что сейчас мой навигатор мало напоминает того человека, которым я привык видеть его всегда — холодного и малоэмоционального — столько в его глазах было тоски.

– Можно начинать, – взглянув на алеющую восточную часть горизонта, я взмахнул рукой. – Хотя нет, подождите. Энди! – мой окрик был адресован застывшему на палубе у кабестана Ансельму. – Давай-ка еще пол-оборота влево, на спуск.

Не хотелось, но все же мне не удалось сдержать раздражения в голосе.

После нашего с Николь ночного разговора, мое отношение к Ансельму изменилось: что он, не мог промолчать? Обязательно было выкладывать Мирре то, что его не касается? Мирра – женщина, какие к ней могут быть вопросы, но сам-то он о чем думал?

Конечно же, Энди уловил оттенок раздражения в моем голосе, и потому, прежде чем провернуть кабестан, бросил на меня недоуменный взгляд: «Как будто я ни в чем не провинился?»

– Пол-оборота, Ансельм, – сейчас я ему отсюда, с мостика кричать начну, в чем причина. На смех всех остальным.

«Небесный странник», зависший над водами Кораллового моря, плавно пошел вниз. «Так оно будет лучше, – выглянул я за борт. – Падать теперь всего ничего. Хотя, если что-то пойдет не так, нам придется не падать, а разлетаться во все стороны вместе с обломками корабля».

Берни Аднер наконец-то закончил все приготовления для испытания своего нового устройства, которое позволяет управлять кораблем в небе без помощи парусов. Такие попытки предпринимались задолго до Аднера, но все они заканчивались одинаково плачевно: заключенная в л'хассах сила вырывалась наружу, разнося корабли в пыль.

По уверениям Аднера, он все рассчитал верно, но сомнения все же оставались. К слову, не у меня одного, и потому на палубе собралась вся команда. Кроме господина Кайля, который и не подозревал ни о возможной опасности, ни о самом устройстве. Неблагодарно, наверное, подвергать риску человека, не предупредив его, но тому есть две уважительные причины.

Во-первых, времени у нас нет, а во-вторых, незачем ему знать об этом устройстве, пусть оно будет неожиданностью для всех.

– Приступим, Аднер, – обратился я к нашему ученому-изобретателю.

И время тянуть смысла нет, и Кайль, против своего обычновения валяться в постели до самого обеда, мог объявиться на палубе.

– Есть, капитан! – откликнулся Аднер.

Несмотря на его довольно бравый тон, было заметно, что Берни волнуется.

Еще бы, ведь так много зависит от того, как пройдут испытания. Пусть пока мы вынуждены скрывать от всех его изоб-

речение, но ведь так будет далеко не всегда. Пройдет немного времени, и все корабли в небе начнут обходиться без парусов, не зависеть ни от силы или отсутствия ветра, ни от его направления. Его имя прогремит по всем обитаемым землям, а его изобретение принесет ему славу и состояние. И для всего этого необходимы сущие мелочи: чтобы «Небесный странник» в мгновение ока не превратился в быстро разносимое ветром облако пыли. Или, по крайней мере, не рухнул с той высоты, на которой мы сейчас находились.

Управление приводами представляло собой два металлических рычага: один из них дублировал на мостике кабестан, служащий для изменения высоты полета, второй подключал тот привод, который приводил корабль в движение без помощи парусов. И вот теперь мы собрались испытать третий, тот, что давал возможность управлять кораблем, когда он движется без помощи парусов. Берни соединил его со штурвалом, и теперь, по его словам, «Небесный странник» должен одинаково легко слушаться руля, что при парусах, что без них.

– Уверяю вас, капитан, – убеждал меня Аднер, – теперь корабль станет намного более маневренным.

«Ну что ж, посмотрим, – подумал я, берясь за тот из рычагов, который давал ход кораблю. – И сохранит нас Богиня-Мать!»

Подмигнул Мирре, смотревшей на нас с явной опаской. Ласково улыбнулся Николь, получив ответную улыбку, и

плавно надавил на рычаг. «Небесный странник» вздрогнул всем корпусом, после чего начал медленно набирать ход.

Некоторое время все мы стояли, затаив дыхание. Но корабль не собирался ни падать вниз, ни тем более превращаться в облако пыли.

– Гвен, возьми-ка немного вправо, – обратился я к Гвенаэлю Джори.

Тот крутнул штурвалом, и корабль пошел в правую сторону.

– А теперь влево.

И снова корабль подчинился штурвалу без малейшего сопротивления. Мы с навигатором Брендосом многозначительно переглянулись: на таком малом ходу под парусом летучие корабли абсолютно неуправляемы. Новое устройство дает большое преимущество, например, при заходе на посадку там, где сложные условия местности или погоды.

Я двинул рукоять вперед более решительно, и корабль пошел так, как будто он был под полными парусами свежего ветра. Затем подал команду Гвенаэлю на штурвал, чтобы тот заставил «Небесный странник» рыскать по курсу. Окончательно осмелев, распорядился сделать полную циркуляцию сначала в одну, а затем и в другую сторону. Добавил хода еще, увеличил высоту, снизил корабль, затем убрал тягу на л'хассы так, что он едва полз. Корабль слушался руля беспрекословно.

И уже совершенно ничего не опасаясь, я дал полный ход,

причем так резко, что все мы едва смогли удержаться на ногах, ухватившись кто за что. Мирра испуганно ойкнула, а в камбузе что-то зашипело, после чего из иллюминатора пошел пар. Корабельный повар Амбруаз Эмметт, или как мы его иногда называем после одной истории Пустынный лев, вместе со всеми присутствующий на палубе, опрометью метнулся в свои владения, что-то бормоча себе под нос. А «Небесный странник» продолжал нестись высоко над волнами, легко повинаясь малейшим движениям руля. Душа пела, и я был готов Берни Аднера расцеловать.

«Целовать его, я положим, не буду – у меня для этого Николь есть, но золотых ноблей отсыплю полной мерой, – размышлял я. – Сразу после того, как эти меры у меня самого появятся. Но и сейчас я его без благодарности не оставлю».

– Господин Аднер, – начал я, взяв его за плечи и глядя в глаза. – Я благодарен самому Создателю за тот день, когда он привел вас на борт моего корабля. Думаю, недалек тот час, когда ваше имя прогремит по всему нашему герцогству и даже далеко за его пределами! Кроме того, я счастлив, что первым из таких кораблей, коими вскоре будут и все остальные, стал мой «Небесный странник»!

Подумав при этом: «А ведь я его в Дигране, едва не прогнал в шею, лишь только он озвучил, как мне показалось тогда, абсолютно бредовую идею».

Засмущавшись, Аднер забормотал:

– Что вы, что вы, капитан! Я тоже очень рад, что судьба

свела меня именно с вами.

«Это что же получается, – размышлял я. – Благодаря этому чудесному устройству мне уже нет необходимости в такой большой команде. Так, и сколько человек я смогу уволить? Кок, естественно, необходим, тем более такой превосходный. Навигатор тоже, не могу же я сутками напролет не сходить с мостика. Родриг Брис – шкипер, боцман и плотник в одном лице, и без него не обойтись. Без Николь я никуда, и не только по той причине, что жизни без нее не представляю – она еще и замечательный лекарь. Энди Ансельм, пожалуй, тоже должен остаться: я его знаю едва ли не десяток лет, и при всех своих слабостях он замечательный человек. А значит, останется и Мирра. Гвенаэль Джори? Нет, что мы все будем делать без его шуток, прибауток, веселых историй? Со скуки сохнем! И остается только Аделард Ламнерт. Вообще-то именно он на корабле человек самый бесполезный, если не принимать во внимание то, что как воин он всех остальных нас вместе взятых стоит. И жизнь он мне спасал, причем не один раз. Получается, не смогу я ни с кем из них расстаться. Ни сейчас, когда необходимо держать чудесное устройство в тайне, и потому они все нужны, ни потом, когда такая необходимость исчезнет».

Еще через полчаса выяснилось, что впадать в полную эйфорию бессмысленно: набрав определенную скорость, «Небесный странник» начинал вести себя так, как ведет морской корабль на крупной волне – раскачиваться с борта на

борт, и с носа на корму. Но стоило только снизить ход, как все исчезало. Я с надеждой взглянул на Аднера, но тот только развел руками: «Капитан, увы, я не всемогущ».

«Да ладно тебе, Берни, оправдываться, – подумал я. – Даже той скорости, что корабль может набрать без всяких последствий, вполне хватит, чтобы уйти от любого из преследующих нас кораблей».

И я уже не с такой тревогой оглядывал горизонт, пытаюсь обнаружить в небе паруса кораблей Коллегии.

* * *

Каиллюайль Фамагосечесийт по своему обыкновению показался из каюты только к обеду. Но к этому времени мы уже подняли парус, и летели по небу так, как летают по нему тысячи обычных кораблей.

– Добрый день, Люкануэль, – поздоровался он со мной, поднявшись на мостик. И сразу же, не дожидаясь ответного приветствия, указал куда-то вниз по правому борту: – Вон она, Энстадская бездна. Помните, я вам вчера о ней рассказывал? Видите то темное пятно?

Действительно, вода в одном месте имела темный, почти черный цвет – такой она и кажется сверху, когда глубина очень большая. Как же, помню, отчего нет, он даже какую-то легенду рассказывал, о том, как именно она образовалась. Но я почти не слушал, и потому только понял – что-то там

связано с гневом Создателя. Все как обычно: девять из десяти произошедших на земле катаклизмов связаны именно с ним. Да и что энстадская бездна? Стоит взглянуть в глаза Рианелю Брендосу, чтобы увидеть другую бездну, значительно более глубокую – бездну тоски. Особенно когда он бросает взгляд за корму, в ту сторону, где остался остров Энстад.

Глава 2

Прибытие в Монтосел

Погода благоприятствовала все дни полета к Островам. Вообще-то на карте они обозначены как архипелаг Габстела – знаменитый путешественник Иоахим Габстел первым обогнул земной шар на летучем корабле «Улыбка фортуны», он-то и присвоил архипелагу свое имя. Но так уж сложилось, что все называют их именно Островами. Вытянутый с севера на юг архипелаг насчитывает более десятка островов, и практически все они именуются каким-либо оттенком цветов. Например, тот, который нам нужен, носит имя Багряный. Есть еще Амарантовый, Пюсовый, Лазурный, Кармин и так далее. И только самый северный остров, сплошь гористый – Анхейм.

Один мой недавний знакомый, которого я могу назвать другом, носящий имя своего славного предка, рассказал мне сохранившуюся в семейных преданиях историю, почему так произошло.

– Был на борту «Улыбки фортуны» один художник, – рассказывал Иоахим. – Так вот, не поверишь – честь назвать эти острова он выиграл в кости. Художник и поименовал их всякими Селадонами и Маджентами. И только один из островов назвал Анхеймом. Наверное, названия цветов у него

закончились, – смеялся Иоахим.

О новейшей истории архипелага мы узнавали от господина Фамагосечесийта, неоднократно бывавшего там.

– Видите во-он там далекие пики гор? Так вот, это и есть остров Анхейм. На нем единственное поселение. И все из-за того, что на острове нет ни единого источника пресной воды, – рассказывал он, искоса поглядывая на палубу, где о чем-то разговаривали Николь и Мирра.

– Так что, им туда воду для питья привозят? – без особого интереса справился я.

– Нет, – жизнерадостно ответил Кайль. На мой взгляд, чересчур жизнерадостно, или я просто уже устал от его постоянного общества – большую часть времени, не занятую сном, он проводил на мостике, докучая мне пустопорожними разговорами. В то время, когда вахту нес навигатор Брендос, Кайль появлялся там значительно реже. – У них там есть один работающий механизм Древних, из тех, что из морской воды делают пресную, этим и спасаются. Установка небольшая, и потому на Анхейме всегда определенное количество людей, не более того, иначе воды на всех попросту не хватит.

– А что же они вообще там делают?

– На Анхейме единственный на все Острова рудник с железной рудой. Рудник весьма небогатый, так что вы сами должны понимать, как ценятся здесь изделия из стали, – и Кайль слегка топнул по палубе.

Безусловно, понимаю – весь груз «Небесного странника»

и состоит из таких вот стальных изделий. Торговец в очередной раз взглянул на девушек.

«И чего это он все время на них пялится? И ведь явно же не на Мирру, в сравнении с Николь выглядящую очень и очень бледно».

Сама же Мирра с некоторой озабоченностью во взоре частенько поглядывала на Энди, несшего вахту у единственной мачты «Небесного странника». Вот с этим как раз все понятно: паури – аборигены, ведущие почти дикарский образ жизни, славятся не только своим миролюбием и добродушием, но и весьма свободными нравами. И особенно это относится к паурянкам.

Помнятся мне рассказы тех, кто побывал на островах архипелага, иные от восторга едва ли не захлебывались. Отсюда и беспокойство Мирры: как себя поведет ее Энди? Вообще-то и Николь должна на меня поглядывать, ее что, такие вещи совсем не волнуют? Или она так в себе уверена? Либо же ей безразлично? Мне даже немного грустно стало.

– Вы, наверное, обратили внимание, Люкануэль, – продолжил свой рассказ Кайль, – на форму островов.

На что я кивнул: обратил, еще как обратил.

– Согласитесь, создается такое впечатление, что, если острова сдвинуть вплотную друг к другу, они создадут единое целое, как будто они им и были когда-то.

И действительно, глядя на карту, на извилистые береговые очертания, так и хочется вырезать их всех по контурам,

а затем сложить. Уверен, между ними не окажется ни малейшего просвета.

– Но самое удивительное в том, что проливы между островами очень и очень глубокие. Удивительно, если вспомнить глубину Кораллового моря.

После этих слов Кайль взглянул за борт, где действительно дно просматривалось в мельчайших деталях – там, где оно вообще существовало, потому что под нами проплывали бесчисленные атоллы, мели, выступающие из воды камни, скалы и крошечные островки с одинокими пальмами на них.

– И что по этому поводу говорят ученые? – спросил я только для того, чтобы что-то сказать.

– Ученые? А шут их знает, что они говорят, – пожал плечами Кайль. – Ни разу не приходилось с ними общаться.

«Так уж и ни разу? Один из них даже на борту „Небесного странника“ имеется – Берни Аднер. Причем самый настоящий, не из тех, что только и занимаются тем, что пишут мудреные книги, где через слово не понятно», – подумал я, но промолчал, глядя на то, как на мостик поднимается Николь.

– Вы сегодня выглядите особенно замечательно, – Кайль едва не расшаркался перед девушкой.

– Спасибо, господин Фамагосечесийт. Очень приятно это услышать от такого мужчины, как вы, – улыбнулась ему Николь.

А мне почему-то захотелось отправить этого господина, чье полное имя удастся выговорить только через раз, если

уж не за борт, так на палубу, настолько мне не понравилась адресованная ему улыбка Николь. Надо же, а он-то как расцвел, как будто внезапно оказался наследником очень богатого родственника, о существовании которого и не предполагал.

– Люк, мне необходимо с тобой поговорить, – сказала Николь после того, как Кайль все же спустился на палубу.

Мы отошли на самый край мостика, подальше от стоявшего за штурвалом Гвенаэля. Некоторое время помолчали, любясь кипенно-белыми заснеженными вершинами гор острова Анхейма, особенно красиво смотревшимися на фоне лазурной глади моря. Мне и в голову не приходило, о чем хочет поговорить со мной Николь, но судя по ее решительному виду, разговор не сулил мне ничего хорошего. Наконец, она сказала:

– Люк, предупреждаю тебя сразу: если ты будешь глазеть на этих... – тут она на мгновение замолчала, очевидно, подбирая подходящий эпитет «этим», – в общем, девиц... Или, не приведи Создатель...

И тут же, оборвав себя на полуслове, произнесла с явной обидой:

– Ну и чего ты улыбаешься такой довольной улыбкой?

«Ну как тут не улыбаться, милая? – думал я, нежно привлекая ее к себе. – Я уж бог весть что успел подумать. Даже то, что вдруг стал тебе совсем безразличен».

Провожая ее стройную фигурку взглядом, я думал о том,

что все для нас всех здесь, на Островах, должно сложиться хорошо. И если это будет действительно так, мы останемся на них надолго. А почему бы и нет? Климат здесь благословенный, войн отродясь не бывало, а работы для «Небесного странника» должно быть достаточно. Не думаю, что здесь их слишком уж много, летучих кораблей, а значит, предложения о найме посыплются один за другим. И самое главное: Коллегия, здесь, на Островах, абсолютно не имеет никакой силы. Конечно, все может измениться в одночасье, но пока мне беспокоиться не о чем.

– Капитан, взгляните, – оторвал меня от размышлений голос навигатора Брендоса.

Я принял из его рук зрительную трубу Древних – одну из тех чудесных вещей, что достались нам в наследство от людей, живших за тысячелетия до нас. Таких сейчас не делают, и вряд ли научатся делать в ближайшие века. Труба была моим подарком ему, и чего уж тут, несколько раз я пожалел, что не оставил ее себе, слишком высокой ценой она мне досталась. Зрительные трубы очень редко попадаются в древних руинах, а уж такая, обладающая способностью видеть сквозь ночную мглу, и вообще одна на тысячу, если не реже. И хотя навигатор Брендос держал ее постоянно на мостике, не унося с собой по окончании вахты, все-таки хозяином был он.

Сейчас, среди бела дня, ее удивительная способность не требовалась, и потому я просто приложил ее к глазам. Уже недалекий остров Багрный, на котором и располагал-

ся необходимый нам город Монтосел, приблизился настолько резко, что, будь я к такому непривычен, непременно бы вздрогнул. Бухта, в глубине которой и расположился Монтосел, выдавалась мысами далеко в Коралловое море. В ней самой виднелось несколько мелких корабликов – не летучих, конечно, те не могут садиться на воду, им подавай ровное поле без всяких камней или пеньков, которые при посадке могут продавить корпус от веса корабля.

В Монтоселе взлетное поле, как и обычно, находилось в стороне от самого города, и в трубу Древних просматривалось хорошо.

Поле было почти пустынным, и на нем виднелся лишь одинокий двухмачтовый корабль. Имелось и еще несколько одномачтовых, но они как раз меня и не интересовали, слишком мелки. Двухмачтовый – другое дело. Если Коллегия, несмотря на все мои соображения, все же выслала за нами погоню, то она давно уже должна быть здесь: «Небесный странник» – кораблик не самый ходкий, да и на Энстаде мы задержались.

«Был не самым ходким, – поправил себя я. – Но теперь, с устройством Аднера по скорости в небе ему равных нет. Только надолго ли? Такие вещи долго в тайне не сохранишь».

– Нет, господин Брендос, этот корабль Коллегии не принадлежит. По крайней мере, именно такого среди ее кораблей я не видел.

Мне смело можно об этом судить: восемь долгих лет я прослужил на принадлежащих ей кораблях. И все же сомнения оставались, куда от этого деться? Возможно, я видел их не все, но может быть и такой вариант, что Коллегия отправила в погоню чужой корабль.

За спиной послышались шаги. Это Кайль в очередной раз решил осчастливить нас своим появлением на мостике. Он смерил расстояние до берега.

– Вероятно, к вечеру мы прибудем в Монтосел.

В общем-то да, если не принять во внимание одно обстоятельство. Я расслабил зрение и сквозь полуприкрытые веки посмотрел на небо перед нами.

– Гвен, подверни-ка с четверть румба вправо.

Услышав от штурвального: «Есть, капитан!», скомандовал уже громче, чтобы слышали на палубе:

– Энди! Пол-оборота на подъем!

– Есть, капитан! – донеслось уже оттуда.

Это и есть одни из моих двух даров – дар видеть ветер, вернее, воздушные потоки в нем. И если мы поднимемся в небо чуть выше, уйдя немного влево, то попадем в отличный воздушный поток, чем сэкономим несколько часов. К сожалению, существует вероятность того, что через некоторое время он распадется, но ведь в небе он далеко не единственный, и уж кому, как не мне, об этом знать.

«Небесный странник», войдя в поток, вздрогнул, скрипнул, переваливаясь с борта на борт, и значительно прибавил

в скорости.

* * *

Вблизи острова, да и в самой бухте, на берегу которой расположен Монтосел, море приобрело темный, почти черный цвет – глубина резко увеличилась, но, вспомнив рассказ Кайля, удивляться я не стал.

– Командуйте, Брендос, – передал я управление кораблем навигатору.

– Хорошо, господин капитан, – отозвался тот, и сразу же, чтобы дать понять остальным – кто сейчас главный, крикнул: – На палубе! Приготовиться к маневрам.

После чего обратился уже ко мне:

– Куда будем сажать корабль, капитан?

Вопрос резонный. То, что именно на посадочном поле, понятно и без слов. Но в Монтоселе оно оказалось необычно больших размеров.

– Прямо по центру и сажайте.

Бывают ухари, что умудряются посадить корабль чуть ли не вплотную к обязательной на всех полях таверне: сойдешь с корабля, и тебе остается сделать всего лишь несколько шагов, чтобы открыть в нее дверь. Но нам лучше все же приземлится «Небесный странник» посередине. И не потому, что я сомневаюсь в способностях моего навигатора, здесь другое: остальные корабли нашли себе место на самых краях по-

ля, так что посади мы «Небесный странник» по центру, вокруг нас окажется достаточно много свободного пространства, чтобы вовремя увидеть спешащих к нам не с самыми добрыми намерениями вооруженных людей.

Попутный ветер посадке благоприятствовал, но на всякий случай я переместился ближе к рычагам устройства Аднера.

Трудности при посадке возникают иногда как будто из ниоткуда. Поднять корабль в небо – да, пара пустяков: крути кабестан в правую сторону, а в нашем случае потяни рычаг на себя. При посадке же необходимо учитывать множество факторов, и прежде всего скорость корабля.

Все дело именно в л'хассах, вернее, в их подъемной силе, а еще вернее, в ее особенностях. Например, на малой высоте корабль не сдвинуть с места даже парусам, полным свежего ветра – слишком велика его связь с землей. И для того, чтобы набрать ход, необходимо подняться выше. Но не до бесконечности, потому что наступает момент, когда связь с землей будет настолько мизерной, что корабль становится игрушкой ветров и управлять им невозможно. Да и холодно там, наверху.

Так вот, вся сложность при посадке заключается в том, что над предполагаемым местом необходимо оказаться практически уже без хода. И тогда крути кабестан в левую сторону и садись. Иначе, если не погасить скорость, но уже пытаться снизиться, в л'хассах создается такое напряжение, что они разрушаются.

В лучшем случае камни рассыплются горсткой серой пыли, но может произойти и так, что по ним пойдут трещины и заключенная в них сила разнесет корабль в ту же самую пыль, только ее будет значительно больше.

Поэтому все поля расположены на окраинах городов, а над многими городами пролетать вообще запрещено. Устройство же Аднера позволяет идти над самой землей, причем без помощи парусов, и ни какого напряжения в л'хассах не создается.

– Все дело в том, что силы не пересекаются, – туманно объяснял Аднер.

Так что в случае необходимости мне удастся помочь навигатору Брендосу посадить корабль, причем сделать это незаметно для нашего пассажира. Ну а если уж все пойдет совсем не так, как хотелось бы, то плевать на всю секретность – жизнь дороже.

– Спустить парус! – подал команду Брендос. И через некоторое время: – Ансельм! Полтора оборота влево, снижаемся.

Вообще-то можно было бы сделать и два оборота, но удивлять лихостью было некого – поле пустынное. Да и мой навигатор не тот человек, чтобы рисковать понапрасну. Энди, кожей чувствующий поведение л'хассов, закрутил кабестан в нужную сторону. Закрутил правильно: не слишком быстро, и не очень медленно. Брендос выглянул за борт, чтобы определить высоту, на которой оставался «Небесный странник», после чего распорядился снова:

– Еще оборот.

На этот раз Энди крутил кабестан осторожно, чуть ли не нежно. «Небесный странник» коснулся земли плоским металлическим днищем так мягко, что мы все едва почувствовали момент приземления.

– Мастерская посадка, – нисколько не кривя душой, заявил я Рианелю. Тот позволил себе едва уловимую улыбку, скорее из обычной своей вежливости, нежели приняв мои слова за комплимент своему искусству кораблевождения. Но посадил он корабль точно посередине поля, так что похвала была заслуженной.

И все же Кайль оказался прав: к тому моменту, когда «Небесный странник» коснулся земли, наступили сумерки. Они вообще в этих широтах наступают рано.

– Вахту на палубу, два человека. И чтобы глаз не сомкнули!

Когда летучий корабль, даже такой малыш, как «Небесный странник», находится на земле, попасть на него, если не спущен трап или не открыт грузовой люк, достаточно сложно: его борт возвышается на высоту пары человеческих ростов. Да и волноваться здесь, на Островах, особенно не о чем. И все же мне внушал беспокойство двухмачтовик – неизвестно, кому он принадлежит, и не прибыли ли на нем сюда по мою душу? Но случись что-либо подозрительное, любому из вахтенных достаточно будет повернуть кабестан, и корабль окажется на высоте макушек окружающих поле

пальм, ну а потом уже будем разбираться – обоснованной ли оказалась поднятая им тревога.

Спустившись с мостика, я столкнулся с Каилюайлем Фамагосечесийтом.

– Я так понимаю, господин Кайль, в город вы сегодня не отправитесь?

– Время уже слишком позднее для визитов, – улыбнулся он. – Да и потом, где я найду в Монтоселе такую кухню?

Что есть, то есть: наш Пустынный лев во всем, что касается стряпни – кудесник необыкновенный. Сколько раз его пытались переманить! И какие только блага не предлагали! Но нет, Амбруаз остался верен «Небесному страннику». Ему бы еще научиться наконец стоять за штурвалом, но боюсь, в этом отношении все безнадежно.

От камбуза тянуло таким ароматом, что поневоле пришлось туда заглянуть. Вышел я уже с подносом, на котором лежал вишневый пирог, от одного запаха которого с ума можно было сойти, и все, что необходимо для вечернего чая.

В каюте я застал Николь с заплаканными глазами. И спрашивать не надо, что произошло: она опять смотрела вещьцу, найденную мною в джунглях Эгастера, в башне Древних. С виду эта штуковина ничего особенного собой не представляет: футляр с большой палец величиной, где внутри спрятана палочка из материала, очень напоминавшего стекло. Но стоит только потереть ее особенным образом, как непонятно откуда возникает видение молодой красивой девушки, ве-

село что-то рассказывающей. Девушка выглядит как живая, хотя если провести сквозь нее рукой, абсолютно ничего не ощутишь.

Но удивительно другое: они похожи как две капли воды, девушка и моя Николь – сколько я ни всматривался, так и не смог обнаружить ни малейших отличий. Хотя какие тут могут быть чудеса, если в самой Николь течет кровь Древних. А еще Николь понимает, о чем говорит видение этой девушки, и именно ее слова и являются причиной слез. Когда я впервые смог вызвать видение этой девушки из футляра, понял сразу – это письмо. Письмо любимому человеку, и Николь мою догадку только подтвердила. Тогда я застал ее плачущей и все никак не мог ни успокоить, ни понять причины ее слез.

– Люк, как она его любила! – всхлипывала Николь, а я все не мог взять в толк: кто кого любил, и зачем из-за этого так переживать.

На этот раз я молча поставил поднос на стол, крепко прижал ее к себе, и долго-долго не отпускал. Затем мы пили чай с вкуснейшим вишневым пирогом и разговаривали обо всем на свете.

«Выкину я эту штуковину, обязательно выкину. Или сделаю так, как будто она потерялась. Ну сколько можно так рвать себе душу из-за чьей-то любви, канувшей в Лету тысячелетия назад?»

* * *

На следующий день, когда я проснулся, господина Кайля уже не было на борту. Зато на нем объявился другой человек, как выяснилось, посланец местного губернатора.

– Господин губернатор приглашает вас к обеду, – важно сообщил он, переполненный значимостью собственной миссии. – Заодно вы сможете обсудить с ним дела. Господин Кайль тоже будет на нем присутствовать.

– А что это за двухмачтовик? Чей он, и как давно в Монтоселе? – поинтересовался я у человека, который, несмотря на свой далеко не юный возраст, создавал впечатление мальчика на побегушках.

– «Мантельский удалец»? Да он давно уже тут стоит, с месяц, наверное. У него проблемы какие-то – взлететь не может, – сдвинув шляпу на затылок, почесал лоб посланец губернатора. – А вообще «Удалец» по контракту здесь работает, уже третий год пошел. Сразу его и наняли, как только «Иероним Пикаро» где-то там сгинул, – и он махнул рукой куда-то в сторону юга.

* * *

Мне приходилось бывать во множестве городов: больших

и малых, сплошь застроенных бревенчатыми одноэтажными домишками, как Чеджур, и пронизывающих небо высокими шпилями, как Джессор. Видел я каменные коробки утопающего в джунглях Опситалета, и своеобразную архитектуру Эгастера, где чуть ли не каждое здание венчалось сферическим куполом. Словом, мне есть с чем сравнивать и Монтосел понравился мне еще тогда, когда я рассматривал его с мостика «Небесного странника».

Город неожиданно оказался на удивление большим. Центр города представлял собой улицу, разделенную надвое бурным, стекающим с невысокой горы водным потоком, с перекинутыми через него несколькими ажурными каменными мостиками. Мостики явно предназначались для пешеходов, слишком они были узки. И лишь мост у самого подножия горы смотрелся достаточно широким для того, чтобы кареты могли не только по нему проехать, но и разъехаться, причем несколько в ряд.

Чуть выше него, на склоне горы, расположилось длинное двухэтажное здание, сложенное из белого камня, с многочисленными колоннами по всему фасаду, образующими портик.

К нему-то я и направился в сопровождении Родрига Бриса и Аделарда Ламнерта, вышагивающих по обеим сторонам в шаге сзади от меня. Ростом и статью Люкануэля Сорингера Создатель не обидел, но они на голову выше, а в плечах так шире вдвое – оба редкостные здоровяки.

Захватил я их больше для солидности, поскольку влипнуть в неприятности в столице архипелага Монтоселе – для этого необходимо хорошенько постараться.

Кроме того, о прибытии «Небесного странника» наверняка знает весь город, так пусть судят о его команде по этим двум. Ну не по Гвену же с Энди? Те выглядят по сравнению со мной, как сам я рядом с Родригом и Аделардом – чуть ли не заморышами.

Да и взять с собой Энди стало бы крайне проблематично: Мирра, наслышанная о нравах местных девиц, даже на корабле старалась не отходить от него ни на шаг, что из-за скромных размеров «Небесного странника», в общем-то, не составляло ей ни малейшего труда.

Провожая меня, Николь так испытующе взглянула, что мне не удалось сдержать улыбки: «Можно подумать, стоит только войти в Монтосел, как со всех сторон набросятся стройные полуобнаженные красотки, изо всех сил пытаясь меня соблазнить. Часть из них будет виснуть на шее, а другая тянуть в разные стороны».

Но на всякий случай я все же попытался ее успокоить:

– Николь, ну как не стыдно тебе так обо мне думать! Ты же знаешь...

Тут Николь фыркнула и заявила:

– Уж я-то знаю!..

Что именно она знает, услышать мне не пришлось, потому что я быстренько обнял ее, поцеловал, причем поцеловал

по-серьезному. Уловив тот момент, когда у Николь начали подкашиваться ноги, отодвинулся от нее и сказал:

– Обещай мне, что не отправишься гулять по Монтоселу ни одна, ни тем более в компании с Миррой. Мы потом с тобой вместе погуляем.

Вообще-то Николь, благодаря ее дару, не составит труда справиться сразу с несколькими мужчинами. Но, поговаривают, среди паури попадаются такие сильные колдуны, что взглядом звезды с места на место передвигают. Вранье, конечно, но Создатель заботится только о тех, кто и сам о себе заботиться не забывает.

А уж с Миррой точно ее не отпущу – ведь именно с ней Николь гуляла по Диграну, когда исчезла так надолго, что я уже навеки успел попрощаться.

«Точно все рассказы врут», – размышлял я, шествуя по улицам Монтосела и крутя головой по сторонам.

Не то чтобы мне очень хотелось встретиться с местными красавицами, но интересно было хотя бы оценить, так ли красивы те, о которых мне столько порассказывали. Оказалось, женщины как женщины, симпатичные и не очень, стройные и так себе. И одеты пусть и легко, но полностью. Разве что в некоторых из них явно чувствовалась примесь крови аборигенов-паури.

Мы неспешно проследовали через небольшой рынок, где торговали самыми разными вещами, от диковинного вида рыб и фруктов до одежды и украшений. На самом его краю

к нам пристала полубезумная старуха, заявившая, что в скором времени мне предстоит пережить множество трудных испытаний, и за скромную плату она поможет выйти из них с честью. Я едва от нее отделался, и даже грозный вид моих спутников на нее не действовал совсем.

В доме губернатора нас ждали.

– Капитан Сорингер? – спросил слуга – полукровка-паури, наряженный в расстегнутую ливрею на голое тело, штаны, едва достигавшие колен и соломенные сандалии.

– Он самый, – подтвердил я.

Как будто и без того не понятно, что это именно я. Нас, небесных парителей, издали можно признать. И по походке, и по шляпам с узкими треугольными полями, ну и по мужественному взгляду, конечно. А если и закрались сомнения – блестящий золотом медальон навигатора на груди поверх одежды обмануться точно не даст.

– Пойдемте, вас уже заждались.

Слуга проводил в обеденную залу, где, как выяснилось, за столом собралась уже вся семья губернатора архипелага Лабиуса Клейна: супруга, выглядевшая явно старше своих сорока лет, вероятно, из-за местного жаркого климата; две дочери, одна из которых – девица на выданье, а другая только училась строить мужчинам глазки; и сын, самый младший из детей Клейна, единственный, кто поглядывал на меня чуть ли не с восхищением.

«Этот точно свяжет свою судьбу с небом, если позволит

отец», – подумал я, приветствуя всех и усаживаясь за стол.

Неожиданностью присутствие за столом господина Кайля для меня не стало. Похоже, он обедал здесь далеко не впервые: это было заметно хотя бы по тем томным взорам, которыми обменялись он и Сесилия – старшая из дочерей губернатора, белокурая и синеокая, как ее мать и сестра. Эти взгляды позволили мне предположить, что их отношения не просто дружеские. Сын, Томми, больше пошел в отца – добродного брюнета с крупными чертами лица, хотя его тоже черноволосым назвать было трудно. Судя по взглядам, обед для меня не сулил ничего хорошего: придется не закрывать рта, рассказывая все пришедшие на ум новости, сплетни и слухи. Стол ничем не удивил, но вино из аугевы (как я специально выяснил – фрукта, похожего на волосатую морщинистую сливу) было выше всяких похвал: в меру сладкое, чуть-чуть терпкое, с божественным послевкусием. Под такое замечательное вино и речь моя лилась гладко, так что, полагаю, все остались довольны. В конце концов, у них есть еще господин Кайль, любитель поговорить. Наконец, мы перешли в кабинет господина Клейна, чтобы приступить уже непосредственно к делам.

– Итак, капитан Сорингер, у меня к вам деловое предложение, – сразу же взял быка за рога губернатор, едва мы уселись в кресла.

– Слушаю вас внимательно, господин Клейн.

Деловые предложения – это всегда интересно, особенно

до той поры, пока не узнаешь, в чем именно они заключаются. Вот тогда бывают порой горькие разочарования.

– Вернее, у меня их сразу два, причем оба они для меня важны, так что выбор только за вами. Итак, первое предложение: отправиться с неким грузом в Дигран, – и мне едва удалось удержаться, чтобы не поморщиться, ибо отправляться туда категорически не хотелось. Именно там, в столице герцогства находится резиденция Коллегии, и к чему мне самому лезть ей прямо в пасть?

– Второе предложение заключается в том, чтобы доставить часть груза, который вы привезли, на самый южный остров архипелага.

И губернатор махнул рукой, указывая направление. Как будто я сам не представляю, где именно находится та или иная часть света, даже немного обидно за себя, как за навигатора. Покопавшись в памяти, я извлек название острова, обозначавшее, как и все остальные, за исключением Анхейма, оттенки цветов.

– Вы имеете в виду Виридиан? – знать бы еще, оттенок какого именно цвета обозначает это самый виридиан.

Клейн улыбнулся:

– Мы называем его Эстольд, так же, как паури, и к цветам его название не имеет никакого отношения. Так уж сложилось. Но в любом случае вы правы. Конечно, в случае полета на юг оплата будет значительно скромнее, но повторяю, для меня важны оба дела. У меня в собственности есть два

корабля, но оба они находятся сейчас в Эгастере. И теперь, когда я остался еще и без «Мантельского удальца», работающего со мной по контракту...

— А что, кстати, с ним? — поинтересовался я. — С виду он выглядит абсолютно целым.

— На нем что-то случилось с настройкой л'хассов, — охотно поделился Клейн. — И теперь ему необходима регулировка приводов к ним, но вы же знаете, насколько это сложно. Проблема еще и в том, что Гильдия из-за разногласий с властью архипелага убрала свое представительство. Должен признаться, мне очень хотелось договориться с Гильдией, но эти господа совсем не способны на компромиссы.

И губернатор сделал кислое лицо. Понять его можно: регулировка приводов к л'хассам — дело настолько тонкое и ответственное, что оставить без настройщиков немалый флот архипелага, это, конечно, удар. Настройки могут сбиться в любой момент, но далеко не на всех кораблях имеется человек, который сможет их поправить. Это Ост-Зейндская Торговая Компания может себе позволить держать такого техника на борту у каждого своего корабля. И еще Коллегия, у которой с Гильдией заключен договор.

Утешает одно — «Небесному страннику» такая проблема не грозит.

— Ну ничего, у нас уже есть договор с Ходжером, так что проблема временная — скоро с него прибудут люди, способные ее решить. Так что вы решили, капитан Сорингер?

– Давайте начнем с Эстольда.

По понятным причинам в своем выборе я не колебался.

– И когда вы сможете туда отправиться? – поинтересовался губернатор.

– Думаю, завтрашнего дня мне хватит, чтобы закончить неотложные дела. А послезавтра, с рассветом...

Губернатор кивнул: судя по его виду, такой срок его вполне устраивал.

Откровенно говоря, никаких особых дел, тем более неотложных, у меня не было.

Так, решил дать команде день отдыха после долгого перелета и возможность Амбруазу завестись свежими продуктами, не хватая из-за недостатка времени все, что попадется под руку.

Ну и некоторое время понадобится на то, чтобы местные плотники выполнили заказ в полсотни древков для установленной на «Небесном страннике» единственной арк-балисты. Наконечники мы предусмотрительно привезли с собой, зная, каковы цены на них здесь, на Островах. Аднер ведь не только установил свой привод на корабле, он еще и усовершенствовал аркбалисту – теперь стальной лук на ней значительно более мощный. А заодно и поработал над механизмом заряжания.

В небе так и воюют – посылая друг в друга ядра из катапульт, гигантские стрелы из аркбалист, обычные или зажигательные. Или же, зайдя сверху над противником, высыпа-

ют на него груз каменных игл. Каждая такая игла длиной в мужскую руку, внешне очень похожая на веретено, разогнавшись, пронзает все, что попадется ей на пути, и тут зависит только от высоты, с которой ее направить.

Хотя в мире, я знаю точно, существует и очень грозное оружие, доставшееся нам как наследие Древних. Внешне оно чем-то напоминает огромный телескоп, и работает, как и все у Древних, от л'хассов. Так вот, устройство способно превратить громадный корабль в кучу мельчайших обломков. Однажды мы разговаривали на эту тему с Аднером, и он высказал такое мнение:

– Думаю, – потер он переносицу, а Берни всегда ее трет, когда думает, – устройство работает следующим образом: если навести его на пролетающий мимо корабль, в л'хассах последнего создается такое напряжение, что вырвавшаяся на свободу сила, заключенная в камнях, и разносит корабль в щепки...

– Господин Сорингер! – услышал я.

– Извините, господа, задумался. Кстати, господин Кайль отправится на Эстольд вместе с нами?

– Нет, к сожалению, – улыбка у него получилась не совсем искренняя. – Мне никак не удастся закончить все дела к послезавтра. Но, если вы пожелаете, мы можем предоставить вам человека, который с легкостью меня заменит.

Я почему-то вспомнил о взглядах, которыми обменивались он и дочь губернатора Сесилия. Хотя, возможно, есть у

него и другие дела, не менее важные.

– Пожалуй, не стоит, – отказался я.

Опять придется от кого-то скрывать то, что является творением гения Аднера. Да и аркбалисту наконец-то хочется испытать, причем без посторонних глаз. В конце концов, чего тут сложного? До Эстольда путь займет всего несколько дней. И пусть мне никогда раньше не приходилось бывать в этих местах, но разве можно сравнивать нынешнюю ситуацию с полетом над морем Мертвых?

Глава 3

«Мантельский удалец»

На обратном пути к «Небесному страннику» я размышлял о том, что обязательно нужно заглянуть на «Мантельский удалец». Если я правильно понял, мы вполне сможем ему помочь. Но даже в случае, если не сможем, имело смысл переговорить с его капитаном – он летает над Островами уже давно, и ему должны быть ведомы связанные с этим сложности.

Вообще, полеты в небесах – занятие достаточно рискованное, особенно над сушей. Над морем, над реками, озерами, вообще над любой водной гладью, летать значительно безопасней. Нет там Желтых туманов, где л'хассы теряют свою подъемную силу, что заканчивается всегда одинаково – падением. Как нет над водой и особых мест, так называемых «ловушек», где происходит та же самая история. Но если Желтый туман можно увидеть, причем даже ночью – по своеобразному свечению, то ловушек на земле никак не обнаружить даже при помощи зрительной трубы Древних. Хотя, конечно, острова – они и есть острова, и к необходимому нам Эстольду можно добраться и морем. И все же лучше обозначить ловушки на карте, да и вообще узнать как можно больше о местах, где нам предстоит провести немало времени.

Возвращались мы скорым шагом, но я успел приобрести по дороге бутылочку вина из аугевы, очень уж оно мне приглянулось. Николь, не сомневаюсь, тоже понравится. Ну и еще нитку местного жемчуга – Острова им славятся повсеместно, что позволяет экспортировать его в огромных количествах. Здесь, на архипелаге, добывается жемчуг самых разных цветов: от черного до голубого, не минуя всех оттенков красного.

К тому же век для местного перла, в отличие от добытого в других местах, – не срок, он умирает, тускнея, не раньше, чем через несколько столетий. Правда, купленный мной жемчуг был самый обычный – белый, но крупный и формы идеального шара.

На обратном пути нам снова не повстречалось ни одной прекрасной аборигенки-паури. «Либо они все попрятались, когда узнали, что в Монтосел прибыл „Небесный странник“, либо здесь их попросту нет», – думал я, слыша за спиной недовольное бурчание Родрига Бриса, тоже разочарованного.

Возле открытого грузового люка в борту «Небесного странника» нес вахту Энди Ансельм. Он разговаривал с каким-то человеком, судя по внешности, матросом с летучего корабля.

– Ты, случаем, не с «Мантельского удальца?» – поинтересовался я больше на всякий случай.

– Да, господин Сорингер, – немедленно отозвался он.

– Капитан на борту?

– Да, господин Сорингер, – не стал он ничего менять в своем ответе.

– Николь на «Страннике?» – обратился я уже к Энди.

Николь – девушка своенравная, и я опасался, что за время моего отсутствия она отправилась в Монтосел. И если есть здесь красавицы, правда, прячущиеся непонятно где, так почему же не быть и красавцам? А там и до беды недалеко.

Одно можно было сказать точно: если она и ушла, то не в компании с Миррой. Подруга Энди только за время нашего короткого разговора успела дважды уже взглянуть на него с высоты борта: чем это там ее любимый занимается? Не подкралась ли к нему тайком коварная обольстительница?

– Да, капитан, она на корабле, – ответил Энди с некоторой небрежностью, явно рисуясь перед матросом с «Мантельского удалыца»: мол, он уже столько всего прошел со своим капитаном, что может себе это позволить.

* * *

Я обнаружил Николь лежащей на постели лицом вниз, и плечи у нее часто вздрагивали.

«Снова она видение той девицы из пенала вызывала, – с тоской подумал я. – Нет, я его обязательно выкину! Только не на глазах у нее, иначе поссоримся. В конце концов, вещь маленькая, она и затеряться может, якобы».

– Николь, – усевшись на краю постели, я осторожно погладил ее по голове. – Ну нельзя же так убиваться! Эта девушка умерла тысячелетия назад. Смотри, какие я тебе красивые бусы купил!

Николь повернулась ко мне, и глаза ее действительно были полны слез.

– Люк! – с трудом сказала она дрожащим от смеха голосом. – Ты только почитай, что пишут в этой книге! – Николь снова уткнулась лицом в подушку и, всхлипнув, засмеялась снова.

Я взял книгу в руки. «Кровь Древних» – именно так называлась она. И написал ее ученый Габриэль Морансо, всю жизнь посвятивший изучению наследия Древних. Купил я ее в Опситалете, в книжной лавке, случайно обнаружив в темном углу на нижней полке среди других таких же, которым выпала не самая удачная жизнь. Только вот купил-то я ее, чтобы узнать о Древних побольше, тем более, как позже выяснилось, работы этого автора во многих землях запрещены. А тут девушка, в чьих жилах та самая древняя кровь и течет, от смеха почти в истерике.

«Вот и отлично, – размышлял я, осторожно целуя Николь за ушком. – Пусть она пока смеется, а мне необходимо наведаться на „Удальца“, вечером капитана я могу на нем и не застать».

– Николь, у меня тут срочное дело. Ты уж не скучай без меня, его никак нельзя отложить.

Вообще-то я ожидал ее ехидного вопроса: как, мол, проживают в Монтоселе красотки, о которых наслышаны даже те, кто понятия не имеет, в какой стороне находится архипелаг? Но моя красавица только и смогла, что кивнуть в ответ, чтобы в очередной раз ткнуться лицом в подушку, не переставая всхлипывать.

Захватив карту, ту из двух, существование которой ни для кого не секрет, я вышел на палубу. Есть у меня и вторая, доставшаяся мне совершенно случайно, и о ней знает только мой навигатор. Отметить ловушки можно и на этой, а уж потом перенести отметки и на секретную.

– Пойдемте, – кивнул Роду и Ларду, дожидавшимся меня в тени кормовой надстройки.

Эти два великана и на «Мантельском удальце» не помещают. Неизвестно, как там с дисциплиной, и не хватало мне еще самому кулаками размахивать, несолидно. Хотя хватило бы и одного Ларда, он – воин. Причем такой, что не приведи Создатель дело дойдет до драки: кто куда убежать будет! Хотя, конечно, кулачный бой не основное его искусство.

– Господин Сорингер! – услышал я, едва спустившись с палубы на землю.

Голос принадлежал все тому же матросу с «Удальца».

«Сейчас на работу проситься начнет, только не нуждаемся мы в людях. Да и вид у него такой, как будто только из угольной шахты вылез. Такой нам точно не нужен», – успел подумать я, когда услышал:

– Господин Сорингер, – уже в который раз повторил он, заставив меня сморщиться: ну сколько можно-то! – Может быть, вас это заинтересует?

На его грязной ладони лежала вещица, вид которой ни о чем мне не говорил.

На взгляд выглядит забавно, но что с того?

– И чем она может меня заинтересовать?

Я взял безделушку, чтобы рассмотреть получше. Выглядела она как стержень квадратного сечения длиной с ладонь. На каждой из четырех граней имелись какие-то надписи. Сомневаться не приходится: Древнее письмо, его не спутаешь ни с чем – слишком своеобразная вязь. С одного торца стержня круглая пластинка величиной с монету не самого крупного достоинства. А с другого – полый граненый цилиндр, и в него даже мизинец не влезет, на дне цилиндра блестящий шарик. И все.

– Это древняя вещь, – торопливо начал объяснять этот замарашка. – Да ей просто цены нет!

«Ну и что с того, что древняя? Знал бы ты, сколько таких вещей через мои руки прошло! А сколько еще я их видел, когда работал в Коллегии! Вот у навигатора древняя вещь – зрительная труба, и ей точно цены нет».

– Досталась она мне случайно, – едва ли не захлебываясь, продолжил свои объяснения матрос с «Мантельского удальца». – Говорят, что ее обладателю откроются доселе неведомые тайны!

А вот это он совершенно напрасно заявил. Существует целый бизнес, где доверчивым простофилям продают иной раз за серьезные деньги всякую ерунду под видом вещей Древних. Чего трудного изготовить такую вот штуковину, после чего выгравировать на ней древние письмена и толкнуть за серьезные деньги? Дело ведь еще и в том, что многие вещи Древних открывают свои особенности не сразу, спустя какое-то время, что всегда на руку мошенникам.

Только где он во мне дурака-то увидел? Хотя в одном он прав: эта ерундовина действительно вышла из рук Древних. Любой металл – субстанция теплоемкая, эта же вещь, сколько ни держал я ее в руках и даже пытался согнуть, по-прежнему продолжала едва уловимо холодить ладони. Так что ошибки быть не может. Но к чему она мне?

– Бесполезная вещь. Себе оставь. Или еще лучше – выкинь.

– Но господин капитан, всего два серебряных геллера!..

Матрос смотрел на меня так умоляюще, как будто от покупки зависела его жизнь.

– Один, или можешь выкинуть, – сурово заявил я.

– Согласен!

Он с такой готовностью закивал, что я даже забеспокоился: вдруг взболтает содержимое черепа.

«Николь покажу, – решил я, пряча покупку в карман. – Возможно, у нее получится разгадать тайну этого предмета. А нет, так выкину: один геллер невелика потеря. Возможно,

я жизнь человеку спас».

Когда мы отошли от «Небесного странника» на несколько десятков шагов, сзади послышался удивленный посвист Энди. Обернувшись и увидев, с какой скоростью мчится в сторону Монтосела продавец ненужных вещей, мне самому едва удалось удержаться от того, чтобы не свистнуть.

* * *

«Ему лет полста, не меньше, – сделал я вывод, когда мы приблизились к „Мантельскому удалцу“. – Хотя чего удивительного: летучие корабли не морские, бывает, и по веку служат, а то и по полтора-два».

Люк в борту «Удалца» был открыт полностью, рядом с ним с палубы спускался трап, но вахтенного обнаружить не удалось. Зато откуда-то сверху донесся пьяный женский смех, к нему тут же присоединился второй, тоже явно нетрезвый, после чего раздался дружный мужской гогот.

«Весело живут», – скривился я, поднимаясь по трапу. Через трюм попасть на палубу было бы удобнее, но из раскрытого люка раздавался чей-то богатырский храп и еще какая-то возня, и потому мы выбрали именно этот путь.

«Так вот где они все собрались, таинственные островные красотки!», – ошеломленно подумал я, оказавшись на палубе.

А их тут хватало, красоток-паури – десятка полтора, не

меньше. И выглядели они так, что все рассказы о них просто поблекли, как блекнет свет масляного фонаря при ярком дневном солнце. Жемчуг зубов, нет, не разноцветный, каким славится архипелаг – белый перламутр, большие блестящие глаза, стройные, почти не прикрытые одеждой смуглые фигурки... Разве что губы у некоторых были немного полноваты, но тут уж на любителя.

«А улыбки-то, какие у них улыбки!»

Должен признаться, я настолько не ожидал увидеть всю эту картину, что даже слегка растерялся. Надеюсь, на моем лице не отразилось ничего, потому что помимо красавиц-островитянок, на палубе находилось еще человек тридцать матросов «Мантельского удалца», и выражение их лиц не предвещало ничего хорошего.

«Да какой же это „Мантельский удалец“, когда настоящий „Мантельский вертеп“!»

Матросы смотрели на меня неприязненно, как будто я заявился забрать у них тот бочонок рома, что стоял посреди палубы, красавиц-паурянок, а самих их отправить на разгрузку трюма, доверху заполненного мешками с солью, причем без всякой надежды на оплату.

– Капитан у себя? – указал я через плечо большим пальцем.

Устройством «Мантельский удалец» ничем не отличался от тех летучих двухмачтовых кораблей, на которых мне приходилось бывать или работать до этого.

Высокие надстройки на носу и корме, грот с бизанью, и расположенный между ними кабестан, с идущими от него под палубу тросами на л'хассы. Разве что бизань несла косые паруса, но так тоже бывает достаточно часто. Вот в ее сторону я и ткнул пальцем, потому что капитанская каюта должна находиться за ней – в кормовой надстройке.

– И кто им интересуется? – вальяжно поднимаясь на ноги, поинтересовался один из матросов, бородатый здоровяк, до этого сидевший в обнимку сразу с двумя девицами, ткани со всей одежды которых едва ли хватило бы приличной женщине на одну юбку.

Я поморщился: такого мощного перегара за каких-то пару дней беспробудной пьянки ни за что не добиться, тут необходима неделя, две. Его качнуло в мою сторону, и в следующий миг он уже летел к борту, хотя, как мне показалось, Аделард едва задел его плечом.

– Капитан у себя? – повторил я, обводя всех взглядом, причем стараясь каждому заглянуть в глаза.

Возможно, все они в душе добрейшие люди, и если долго бить палкой, то их доброта и наружу вылезет, но сейчас им спуску давать было нельзя. Ответил самый молодой из них, почти мальчишка, обнимавший свою красотку с таким видом, как будто умрет, но мне ее не отдаст:

– Да, господин.

Я развернулся и пошел по направлению к капитанской каюте, помахивая свернутой в трубку картой, на которой соби-

рался нанести опасные места.

Уже у самых дверей бросил через плечо Ларду с Родом:
– Останетесь здесь.

Все-таки вваливаться в чужую каюту с людьми, выглядевшими настоящими головорезами, не очень вежливо – не долги выбивать пришел. Коротко стукнув, потянул дверь на себя и, убедившись, что она поддалась, усмехнулся:

«Не очень удобно получится, если войду не в самый подходящий момент, застав хозяина валяющимся на постели в объятьях обнаженной красотки. Понятно, что в каюту капитана никто без разрешения не войдет, и все-таки мог бы и закрыть ее на задвижку. Хотя, возможно, он просто спит пьяный, и тогда вообще никакого разговора не получится».

К моему удивлению, капитан сидел за столом и читал какую-то книгу. На звук открываемой двери он, не отрываясь от нее, спросил:

– Что там за шум на палубе?

Затем все же поднял голову и, посмотрев на меня, изумленно воскликнул:

– Люк!

– Адеберт!

В моем голосе изумления было несколько не меньше.

Вот кого уж точно я не ожидал увидеть, так это Адеберта Кеннета, давнего моего знакомого. Да что знакомого: лучшего друга, а у меня их не так много, друзей. В последний раз я видел Адеберта года три назад. Затем он надолго пропал

из виду, и мне только удалось узнать, что он, приобретя корабль в собственность, куда-то исчез. И вдруг такая неожиданная встреча! Воистину, мне повезло. Стоило только жалеть о том, что я не поинтересовался именем капитана «Мантельского удальца» еще у губернатора.

Судя по нему, наша встреча явилась для него не меньшей неожиданностью.

– Ты здесь каким чудом оказался? – удивленно спросил он, вскакивая на ноги.

Затем были дружеские мужские объятия, после чего Кеннет гостеприимно указывал на одно из двух кресел, имеющих в его каюте, помимо другой мебели – стола, шкафа, буфета с застекленными дверцами, заставленных книгами полок и отгороженной ширмой постели.

– Наверное, не меньшим, чем ты, – усевшись, заглянул я в открытую книгу, лежавшую на столе.

«Вот это да! – в очередной раз подряд поразился я, и было с чего. Судя по тому куску диалога, что мне удалось прочитать, книга оказалась любовным романом.

– Это надо же! Здесь, на Островах, когда стоит только открыть дверь, и к нему, нисколько не сомневаюсь, гурьбой бросятся все эти красотки, он читает книгу, где какая-то Кайли плачется на груди у какого-то Дарса, что они надолго расстанутся, и ей будет очень трудно пережить разлуку! И это Адеберт, с которым я!.. С которым мы!.. Да если только вспомнить одни наши похождения в Борнместире или том

же Дигране! А что мы умудрились вытворить в Месанте, когда только быстрые ноги нас и спасли от разъяренных мужей белошвеек. А как они за нами гнались, крича во весь голос все мыслимые и немыслимые угрозы! И как веселился народ, наблюдая все это!»

Тогда оба мы служили навигаторами – я уже на «Барракуде», а он еще на «Кузнеце счастья». Нет, это чему же необходимо было случиться, чтобы он так изменился?! Глядя на меня капитан «Мантельского удальца» улыбнулся, вероятно, вспоминая о том же.

– Выпьем за встречу, Люк? – спросил он, все еще улыбаясь. И когда я кивнул, достал из застекленного буфета бутылку вина и два бокала.

– Вино из аугев? – с видом знатока поинтересовался я, глядя на то, как он разливает по бокалам.

– Да. Успел его оценить?

Ответить у меня не получилось: на палубе послышался какой-то шум.

«Там Родриг с Лардом, а я уже успел о них позабыть! Вдруг команда решила выяснить, что же происходит в каюте их капитана, и парни костями лягут, не пуская сюда никого без моего разрешения».

Я вскочил, собираясь броситься наружу, когда Адеберт, успокаивая меня жестом, пинком открыл дверь.

– Так! – послышался снаружи его рев, сразу же меня успокоивший: разговаривать подобным образом можно только

тем, кто держит свою команду в кулаке. – Ко мне в гости пришел мой лучший друг. Всем ясно, что можно и чего нельзя?

Судя по возгласам, доносившимся из открытой двери, понятно было всем.

– И людей моего друга примите со всей душой, – добавил он, после чего со стуком захлопнул дверь.

– Иначе с ними нельзя, – чуть виновато улыбнулся он, вновь усаживаясь за стол. – Совсем в последнее время разбаловались. Ну рассказывай, Люк, какими судьбами. На «Небесном страннике» сюда прибыл? Других кораблей уже неделю не было.

– На нем, Берг. Кстати, «Небесный странник» – мой корабль, год назад приобрел, – ответил я. – Груз привезли из Эгастера, да и тут работа подвернулась, на юге Островов. Вот и пришел на «Удальца», чтобы узнать о местной навигации. Кто же мог знать, что тебя встречу? И рад, очень рад.

– Всем, чем смогу, Люк, – и тут же, озорно улыбнувшись: – Помнишь, как мы с тобой в Месанте вытворяли? – после чего, возвращаясь к нашему давнему спору: – Согласись же наконец, что Алия у меня симпатичнее была.

– С чего бы это вдруг? – не стал соглашаться я. – Грудь у нее больше, не отрицаю. Да и то, намного ли?

И, увидев, что Адеберт собирается мне возразить, после чего разговор может надолго уклониться в сторону, тут же добавил:

– Что у тебя за проблемы с кораблем? Настройки л'хас-

сов? Мне губернатор за обедом рассказывал.

– Они самые, – сразу посерьезнел Кеннет. – Тогда ты должен знать, какие здесь, на Островах, проблемы с настройщиками. И своего нет, чай, не Ост-Зейндской Торговой Компании корабль, мой собственный.

И Адеберт хлопнул по столешнице ладонью с некоторой гордостью. В общем-то, да – «Удалец» больше моего «Странника» чуть ли не в два раза, так что его гордость понятна. Наверное, он ожидал расспросов: как ему удалось приобрести его, но меня интересовало другое.

– Как все это произошло?

Дело в том, что для этого необходимо попасть либо в Желтый туман, либо угодить в одну из ловушек. Правда, не в самый ее центр, иначе «Мантельский удалец» здесь не стоял бы, а я с его капитаном не разговаривал. Другие причины я отмел сразу – Адеберт Кеннет навигатор от бога. Как выяснилось, произошло как раз последнее.

– Мы летели из Чиома, есть такое поселение на юге, сюда, в Монтосел. Торопились, а ночь была темна – хоть глаза выколи. Ни земли, ни звезд, ничего не видно. Ну и как выяснилось, отклонились от курса. А там, на Пюсовом, его здесь островом Трех богов называют, гора такая есть, Муктан. Ну и увидели ее, когда она вот уже, ближе некуда. Так что ничего не оставалось, только резко высоты набрать. Будь еще трюм пуст, возможно, и обошлось бы, но ты сам знаешь, чем такой маневр для л'хассов может закончиться, когда корабль

с полным грузом. После этого «Удалец» шел с таким креном на левый борт, что я отправил всю команду на противоположный. Еле сюда дотянули. Причем, считаю, нам невероятно повезло.

Кеннет умолк, вероятно, заново переживая не самые приятные моменты своей жизни.

Могу себе представить, что он испытал. Карту Островов я изучил основательно, и потому довольно ясно понимал, что именно происходило. Остров Пюсовый, или, как он его называл – Трех богов, гористый практически полностью, и приземлить корабль там довольно проблематично: склоны гор, поросшие лесом, ущелья. Вернее, посадить-то его можно, но в такой местности верный способ корабль угробить. От горы Муктан, с которой они едва не столкнулись, сюда день лёта, и все над горами. Ну и еще пролив между Пюсовым и Багряным, где корабль на воду тоже не посадить. И потому они тянули до Монтосела, ожидая, что в любой момент корабль завалится набок и рухнет. Но как же Кеннет допустил такую ситуацию, куда он смотрел?

– Давно это произошло?

– Да с месяц назад. С тех пор и торчим тут, ожидая настройщика. Деньги закончились, я едва удерживаю команду на борту. Хотя здесь не моя заслуга, куда им податься? В джунгли к паури?

«А зачем им туда подаваться, если, судя по всему, паури сами к ним приходят. Вернее, паурянки».

И как бы в подтверждение моих мыслей с палубы в очередной раз раздался женский смех, призывный, манящий.

– Губернатор все обещает: вот-вот из Ходжера придут мастера, но что-то все они не едут и не едут.

– И всегда у вас так? – указал я подбородком на дверь, за которой веселье все нарастало. Может быть, мне показалось, но один из громких мужских голосов очень напоминал голос Рода, причем пьяный.

«Померещилось, – решил я. – Родриг – человек степенный, и всегда знает меру».

Адеберт пожал плечами:

– Девушки почти каждый день приходят, но сегодня что-то действительно мои люди разгулялись не на шутку. Казалось бы, с чего? Давно уже все, что можно, спустили.

– Красивые женщины у паури, люди, рассказывающие о них, нисколько не соврали. Кстати, был сегодня в Монтоселе, ни одну не увидел.

– Что есть, то есть, красивые, – согласился со мной капитан «Мантельского удалца». – Только в городе их действительно не увидишь, не любят они города. Но эти еще не очень, – Адеберт скривился скептически. – Попадают и вообще красавицы, глянешь на такую и дух захватывает! Кстати, могу познакомить с парочкой из них, а то и с целой дюжиной.

Капитан «Удалца» улыбнулся:

– Ты даже представить себе не можешь, как они относятся

ся к небесным парителям! Казалось бы, в Монтоселе полно мужчин, каких только пожелаешь, а эти паурянки вешаются на шею даже такому замухрышке, как Войт, есть у нас такой. Что-то у них там связано с верованиями, какие-то небесные покровители, или еще что-то. Так что может все-таки...

Я отрицательно покачал головой, не стоит. Затем мне пришла другая мысль:

– А мужчины у паури красивые?

Он искоса взглянул на меня, и сначала я даже не понял, чего это он. Затем рассмеялся:

– Нет, тут совсем другое. Понимаешь, у меня девушка есть, она со мной на «Небесном страннике» прилетела. Так вот, что я подумал: если женщины у паури такие красивые... Ну ты понимаешь, о чем я... Так, на всякий случай...

Тут пришла очередь рассмеяться снова Адеберту:

– Извини, Люк. Ну мало ли. Ты все по столицам, да по столицам.

Он еще раз хохотнул, затем разлил остаток вина по бокалам:

– За прекрасных дам!

Я охотно поддержал его тост, про себя добавив: «За самую прекрасную из них!» После чего, глядя в сторону, нарочито безразличным тоном произнес:

– Вообще-то есть у меня на корабле специалист по л'хас-сам, и всем, что с ними связано.

Он посерьезнел мгновенно:

– Сорингер, ты ведь не шутишь?

– Нет, Кеннет, я абсолютно серьезен. Только взамен ты мне своими собственными руками укажешь на карте все опасные места, какие здесь только существуют, – подошли мы, наконец, к тому, для чего я сюда и заявился.

* * *

На «Небесный странник» мы возвращались уже в полной темноте. Я не ошибся, голос действительно принадлежал Родригу, и теперь его, мертвецки пьяного, нес на себе Лард. Родриг, приходя в себя, все порывался вернуться на «Удальца», бормоча при этом что-то вроде: «Я женюсь на ней обязательно!». Аделард, в отличие от него, был абсолютно трезв – пить ему категорически нельзя из-за старой раны на голове, но выглядел он очень довольным. Правда, желания жениться не высказывал.

Когда мы подошли к борту «Небесного странника» я с удивлением обнаружил, что трап убран. Что-то произошло? И я с тревогой огляделся по сторонам. Вообще-то трап должен быть на земле, и возле него должен нести вахту кто-то из матросов. Аделард осторожно положил к тому времени бесчувственное тело Родрига на песок и стоял, тяжело отдуваясь. Лард, конечно, человек невероятно могучий, но и Род совсем не мальчишка, и мало ему чем уступает. Немного отдышавшись, он взглянул на меня, и я кивнул: давай.

– Эй на палубе! Капитан прибыл! – зычно провозгласил Аделард, и я снова кивнул, на этот раз благодаря: не солидно капитану самому надсаживать голос.

Ничего, сейчас попадем на борт, я им сразу же пожарную тревогу сыграю, несмотря на то, что на дворе ночь, – разбавались! С высоты борта показалась голова Мирры.

«Это с каких пор она ночные вахты несет? – во мне накопало раздражение. – Мужчин на борту что ли не осталось?»

– Сейчас, господин Сорингер, – слышался сверху невозмутимый голос навигатора, Рианеля Брендоса.

И действительно, вскоре заскрипела лебедка, после чего трап лег у самых наших ног. Мы с Лардом с сомнением взглянули на по-прежнему распростертое на земле тело нашего плотника, боцмана, шкипера, парусного мастера и много еще кого в одном лице. Поднимать Родрига по узкому, почти отвесному трапу – задача не из легких, даже если нам на помощь придет вся команда корабля. Открывать люк в борту тоже бессмысленно: к разгрузке еще не приступали, и потому через него не пройти.

– Постой с ним рядом, чтобы его паурянки не унесли, – обратился я к Аделарду. – Сейчас заведем грузовую стрелу и поднимем его на борт в сетке.

Первым, что я увидел, поднявшись на палубу «Небесного странника», был полный осуждения взгляд Мирры. Она смотрела на меня так, как будто я совершил что-то крайне предосудительное. Потом фыркнула и отвернулась.

– Что здесь произошло? – поинтересовался я у позевывавшего навигатора Брендоса.

– Когда уже начало темнеть, откуда-то со стороны «Мантельского удальца» прибыло несколько девиц, явно экономящих на одежде, – охотно начал рассказывать он. – Они попытались подняться на борт, но Мирра грудью встала на его защиту.

Рианель искоса взглянул на стоявшую в стороне девушку, явно намеревающуюся нести вахту до самого утра.

«Пожалуй, грудью – это явное преувеличение, – хмыкнул я. – Уж чем-чем, а этой частью тела Мирра никак не может похвастать – она у нее плоская. Хотя какое мне дело до этого? Главное, Энди от Мирры без ума».

– А что было дальше?

– Дальше? Эти девицы непременно попали бы на корабль, но тут вмешалась Николь. Она посмотрела на них, те на миг застыли, а затем побежали прочь, крича нечто вроде – ками, ками! Это и есть те самые знаменитые красотки с Островов? – и когда я кивнул, подтверждая его догадку, Рианель крикнул: – Да уж, впечатляет.

Я снова кивнул, соглашаясь с ним: не то слово. Затем вдруг вспомнил увиденную картинку на палубе «Мантельского удальца», представил свою обросшую бородами команду в окружении полуголых красоток и вздрогнул.

Нет, не потому что заботился об их нравственности – просто когда бы мы в таком случае на Виридиан отправились?

Вон Родриг, на что кремень, когда дело касается выпивки, и надо же так набраться! Взгляд мой упал на самого Родрига: как раз в этот момент из-за борта показалась сетка с его телом. Затем похолодел: Мирра смотрела на меня таким взглядом, как будто считала, что девушек отправил на «Небесный странник» именно я. До нее самой мне дела нет, но что подумает Николь? Боюсь, мне теперь долго придется оправдываться. Вот только вопрос: захочет ли она их выслушивать, мои объяснения? Недаром же ее не видно на палубе, хотя время еще совсем не позднее.

– Энди от Мирры досталось за то, что он изгонять этих девиц не помогал, – улыбнулся Брендос. – Боюсь, завтра он будет взирать на мир одним глазом.

«Ты-то, господин Брендос, почему не помог? – думал я уже по дороге в каюту. – Уж не потому ли, что сам проникся их видом?»

– Это Родриг и послал девиц сюда, – сообщил поднявшийся на палубу Аделард. – Когда еще разговаривать был в состоянии. Сказал, что здесь их ждут с нетерпением.

Дверь в каюту я открывал осторожно: вдруг в меня сразу же что-нибудь прилетит? Николь совсем не скандальная девушка, и вывести ее из себя очень сложно, но на тех, кто сам о себе заботится, и Создатель взирает с особым расположением.

Затем вдруг подумал: «Отважный капитан Люкануэль Сорингер, с честью выходявший из множества трудных, иногда

почти неразрешимых ситуаций, крадется в свою собственную каюту как вор». С самым независимым видом оглядел палубу: вдруг кто-нибудь меня увидел, и ему пришла в голову точно такая же мысль.

Я застал Николь спящей. На лице ее была улыбка, такая красивая, что я даже полюбовался ею некоторое время, а в руке она сжимала бусы из жемчуга. Стараясь не шуметь, осмотрел каюту. Как будто бы все целое, все на своих местах. И еще на столе прикрытое крышкой металлическое блюдо, а рядом с ним укутанный чайник, чтобы не успел остыть до моего прихода.

«А я ведь действительно не ужинал! – внезапно почувствовал я голод. – Полдня провел на „Удальце“, но о еде как-то даже не вспоминал».

Затем, поедая пирожки с мясной начинкой, поджаристые, с корочкой, как я и люблю, глядя на спящую поверх одеяла Николь, подумал:

«Вот было бы неплохо, если бы она укоротила ночную рубашку как юбки у этих паурянок. Ножики у Николь такие стройные, что всем этим островитянкам до них, как до края света на коленях. Только ведь не согласится она ни за что».

Глава 4

«Красавица Фелиппа»

Против всех моих ожиданий, первым, что я увидел следующим утром, была ласковая улыбка Николь. А когда я попытался все ей рассказать, она просто приложила палец к губам: молчи, мол, все хорошо. Буквально следом прибыл господин Кайль.

– Господин Сорингер, – заявил он. – Мы вчера посовещались с господином губернатором и решили, что в Монтоселе выгрузим только малую часть из того, что хранится в трюме «Небесного странника». Так что к обеду, думаю, погрузка закончится, и вы можете смело пуститься на Эстольд.

– Не раньше завтрашнего дня, господин Кайль, – пожал я плечами. – И вчера мы это обговорили.

Клейн выглядел таким довольным, что я почему-то снова вспомнил о белокурой дочери господина губернатора Сесилии. Вообще-то задерживаться здесь, в Монтоселе, не было смысла. День отдыха для команды после такого путешествия это, конечно, замечательно, но в связи с вчерашними обстоятельствами не растянулся бы этот отдых на неопределенное время. И все же придется задержаться: необходимо закупить продукты и получить заказ от плотников. Кроме того, Аднеру необходимо время, чтобы настроить привода л'хассов

на «Мантельском удалце», и дай бог уложиться ему в один день.

На палубе я поймал все такой же неодобрительный взгляд Мирры. Пришлось взглянуть на нее так, что она невольно съежилась. Не хватало еще мне, капитану, оправдываться перед матросом, пусть он и в юбке. Нет, как раз не в юбке – в ней на корабле делать нечего, особенно при работе на мачте с парусами.

У Энди действительно один глаз заплыл почти полностью, и Гвен, наш извечный шутник, откровенно над ним зубоскалил. Я же удивлялся тому, как изменился Энди. Тогда, в Вигонте, Энди Ансельм не побоялся выйти на ножах один против троих. Он бы и вышел, если бы мы вовремя не пришли ему на помощь. А тут какая-то девчонка младше его, пусть и выше на голову, с ним такое вытворяет! Уму непостижимо.

* * *

К вечеру следующего дня мы достигли Муктана, в предгорьях которого «Мантельский удалец» едва не потерпел крушение. Весь день я развлекался тем, что испытывал устройство Аднера.

Нет, я не забавлялся новой игрушкой – я изучал изменившиеся возможности своего корабля. И должен признаться: душа пела так, что я аккомпанировал ей, мурлыча мелодию себе под нос. Волшебное чувство, когда осознаешь, что в

небе ты такой единственный. Время от времени я передавал управление навигатору Брендосу, и тогда пение слышалось от него. За штурвалом по очереди перебивали все, даже Николь, и всем одинаково легко давалось управление «Небесным странником» с помощью устройства Аднера. В том числе и Амбруазу, для которого прежде удержать корабль на курсе было невыполнимой задачей.

Сам Аднер показался из каюты далеко после обеда, с изрядно помятым лицом.

Накануне он вернулся с «Мантельского удальца» поздно ночью, в явном подпитии и с шальными глазами. Аделард взглянул на него понимающе, а Родриг, с утра мучившийся головной болью, пока я, наконец, не распорядился выдать ему бутылку рома, отвел его в сторону и долго о чем-то расспрашивал.

«Уж не о той ли неведомой мне красотке, на которой он собирался жениться? — довольно скептически подумал я. — Ну и где же тут Аднер сможет ее признать? Паурянки хоть и красавицы, но, на мой взгляд, все на одно лицо. Или у той какая-то особая примета есть в особенном месте? Нет, не „Удалец“, точно „Вертеп“, не в обиду капитану Адеберту Кеннету, моему другу».

Но дело свое Аднер сделал: рано утром, когда мы отправлялись на Эстольд, «Мантельский удалец» на наших глазах поднялся в небо. И пусть это был пробный полет, но опытному глазу даже со стороны ясно видно, что с кораблем все

в порядке.

Аднер поначалу то и дело спускался в трюм, чтобы лишний раз осмотреть свое устройство. Затем он успокоился и уселся в стороне, поглядывая на суету с видом умудренного жизнью человека, наблюдающего за резвящимися детьми. Сам я смотрел на Берни, и в который уже раз благодарил Создателя, что он привел ученого именно на мой корабль. Хотя если вдуматься, благодарить его должен именно Аднер, ведь «Небесный странник» далеко не первый корабль, а я не единственный капитан, которому он предложил то, что ему успешно удалось воплотить в жизнь именно здесь. И еще я обдумывал предложение, с которым рано или поздно к нему обращусь.

Берни Аднер – талантливый ученый-самоучка, в одиночку пришедший к тому, что не удавалось никому прежде. Недалек тот день, когда в небе останутся только такие корабли, как мой, – двигающиеся без помощи парусов. Вот только большой вопрос: будет ли кто-нибудь знать его имя? Не случится ли так, что у него попросту отберут его эпохальное изобретение, и в лучшем случае, лишь скромно вознаградят? Ничего сложного в его устройстве нет – Аднер сляпал его чуть ли не на коленке, и потребовалась лишь помощь кузнеца, выковавшего необходимые детали. Все дело было именно в самой идее. Берни – человек, хороший во всех отношениях, но вряд ли ему удастся отстоять свои права, он слишком мягок для этого. Хотя какой характер тут сможет

помочь, если за него возьмется Коллегия, организация невероятного могущественная? Или сам герцог приберет его изобретение к рукам?

«Я предложу ему дело, в котором мы будем иметь равные доли, — размышлял я, расхаживая по мостику. — Возьму на себя все организационные вопросы, а ему только останется заниматься тем, что он умеет лучше всего. Конечно, не все так просто, и сам я для той же Коллегии или герцога никто, пустышка, ноль, но ведь можно начать и в укромном месте, где первое время нас никто не будет беспокоить. У меня есть множество знакомых капитанов, которые, узнав о новых возможностях, непременно согласятся на то, чтобы на их кораблях появились подобные устройства. И к тому времени, когда дело получит широкую огласку, мы сумеем вознестись так, что с нами начнут считаться все.

А почему бы и нет? Взять того же Кертиса Слейма, основателя Ост-Зейндской Торговой Компании. Начинал он как обычный купец, имеющий в собственности всего два летучих корабля, а теперь? При жизни с его мнением считались и короли, и герцоги. Да и после смерти Слейма, когда компанию возглавил его сын, ничего не изменилось. Чем не пример?

И еще, неплохо бы найти подходящее местечко, где все работы поначалу велись бы без лишней шумихи. И уж совсем было бы замечательно, если бы там имелось таинственное устройство Древних, обращающее корабли в небо в пыль. Ну

смогли же разобраться и пользоваться этим оружием на Галуде люди из Ордена Спасения?

Во многом все зависит от самого Аднера: не захочет ли он мгновенной славы, не до конца понимая ситуацию, в которую он угодил? Ведь его могут и не убедить мои доводы. Но в любом случае, я ему уже благодарен так, как еще не был благодарен никому».

Подошла Николь, встала рядом, спросила, заглядывая в глаза:

– О чем ты думаешь, Люк? Вид у тебя необычайно важный. И к чему бы это?

– Размышляю над тем, как сделать тебя королевой, – обнимая ее, ответил я.

Заодно я раздумывал над тем, что проблемы с паурянками отнюдь не закончены. Ведь в любом месте, где бы ни опустился на землю «Небесный странник», они будут упорно лезть на борт. Хорошо, если Николь окажется на его борту, а если нет? Затем вспомнил рассказ навигатора Брендоса, что, когда Николь выгоняла их с борта, они кричали что-то наподобие «ками». Интересно, связано ли это как-то с тем, что людей, обладающих таким же даром, как и она, называются камелитами?

Мысли мои перебила появившаяся на палубе Мирра, до сих пор выглядевшая так, как будто она совсем не удивится, если сейчас откинется крышка и из трюма полезут многочисленные полуголые девушки-паури.

«Сама-то ты как на „Небесный странник“ попала? – не выдержав, улыбнулся я. – Пусть появилась и не из трюма – из подшкиперской, куда тебя привел и спрятал Энди, но ведь твоего появления на борту тоже никто не ждал. Да и не будет у нас проблем раньше, чем мы прибудем на Виридиан, то бишь Эстольд».

Как выяснилось, проблемы появились значительно раньше.

* * *

Вечерело, на небе вот-вот должны были показаться первые звезды. Мы шли под приводом Аднера, но парус на всякий случай был поднят. Ничего удивительного: идущий на полном ходу в небесах корабль без парусов вызывает большой интерес и недоумение. Правда, гафель был поставлен так, чтобы полотнище паруса не создавало сопротивление. Этого вполне достаточно, чтобы с земли выглядело все как обычно.

Парни только что закончили насаживать наконечники на гигантские древки стрел для аркбалисты. Дело хлопотное, необходим строгий баланс, иначе полетит твоя стрела куда угодно, только не в цель, и потому возни с каждой стрелой хватало с избытком.

Древесина, пошедшая на изготовление древков, на континенте применяется для изготовления лучшей мебели, и там

она нарасхват. После того как я увидел древки, доставленные на борт «Странника», я посмотрел на Родрига с осуждением: «А из чего попроще заказать было нельзя?»

Древесина сиоль действительно великолепна: с красноватым отливом, и такая пахучая, что кедр, из которого изготовлен «Небесный странник» казался по сравнению с ней обыкновенной ольхой.

Родриг только развел руками:

– Капитан, здесь из такой заборы делают. И стоит она не больше, чем в Дигране вязанка дров, – подумав, он уточнил: – Две вязанки. Но летом.

Стрела для аркбалисты длиною в человеческий рост и толщиной с два кулака на первый взгляд больших разрушений летучему кораблю не принесет – не на воде он, чтобы бояться пробоин. Но это только на первый, ведь угодить можно так, что последствия попадания даже одной стрелы будут очень серьезны. Например, в расположенные за кормой рули, больше похожие на хвостовые плавники гигантской рыбы (если, конечно, существуют такие, у которых хвостовых плавников два). Случается, одной стрелы достаточно, чтобы лишить корабль управления.

Ну а в том случае, если совсем уж повезет и стрела попадет в одно из гнезд, где покоятся л'хассы, то ее может хватить, чтобы свалить с неба двухмачтовый корабль, бывало и такое.

– Гвен, возьми-ка немного правее, – обратился я к стояв-

шему за штурвалом Гвенаэлю Джори, чтобы тут же услышать в ответ:

– Есть, капитан!

«Нет, мне точно не показалось, – и я потянулся к рычагу, задающему кораблю скорость движения, чтобы уменьшить ход. – Там внизу, в ущелье, явно какие-то отблески».

Острова не меньше чем другие места славятся тем, что в самом неожиданном месте можно обнаружить руины Древних, а в них иной раз такие сокровища попадают! Причем заселяют их миролюбивые паури, это не джунгли Эгастера, полные кровожадных чируков, откуда мне едва удалось унести ноги.

И я непроизвольно потрогал шею. Казалось бы, пустяковая царапина, но шрам останется на всю жизнь. Так вот, иной раз бывает, что сверху руин в густой растительности и в ясный день не разглядишь, но в темноте они могут выдавать себя свечением. Именно такое свечение мне и показалось на земле справа по курсу корабля.

– Гвен, еще правее. Видишь свечение внизу справа по курсу?

– Есть, капитан! Вижу, капитан!

Выходит, мне все же не показалось.

– Так держать!

Уменьшив ход до малого, я взял трубу Древних, не забыв накиннуть ремешок на шею: вещь невероятно ценная, и свесился за борт с мостика.

– Что-нибудь видно, капитан? – поинтересовался Гвен, и в его голосе слышалось нетерпение и живой интерес. Еще бы, все мы с детства бредим древними сокровищами, и Гвенаэль Джори тоже не исключение.

– Что-то видно, – буркнул я больше себе под нос, – знать бы еще, что именно.

И действительно, свет в ущелье был, но какой-то он непонятный.

Как будто бы отблески костра, но разве у костров бывает огонь зеленовато-синего цвета?

– Что там, господин Сорингер? – послышался за спиной голос навигатора Брендоса.

– Взгляните сами, Рианель, – и я протянул ему трубу.

Тот взял ее, занял мое место у самого борта, и надолго к ней приник. Наконец, он от нее оторвался:

– Ни на что не похоже. Как будто и от костра, но цвет совершенно непонятный. Ущелье, вероятно, глубокое, источник света на дне, и нам виден только отраженный свет от него на одной из скал. Что будем делать, капитан?

И действительно, что будем делать? В этих местах капитан «Мантельского удалыца» Адеберт Кеннет на карте не обозначил ни одной ловушки. Я прищурил глаза, одновременно расслабляя зрение, осмотрел небо вокруг, чтобы увидеть воздушные потоки. После чего одернул себя: так ли мы уж зависим от них с некоторых пор?

– Думаю, господин навигатор, мы сами себе не простим,

если не выясним, что именно там сверкает.

— Костер, — не отрываясь от трубы, сообщил через некоторое время Брендос. — И вокруг него люди, не меньше десятка человек.

— Ну-ка, дайте, я взгляну.

Действительно, на дне ущелья горел самый обычный костер, но отблески от него на скале и давали тот самый зеленовато-синий цвет, показавшийся нам необычным. Вокруг костра сидели люди, одиннадцать мужчин, причем среди них явно не было ни одного туземца-паури. Вот один из них взглянул на небо в нашу сторону, что-то крикнул остальным и, удивительное дело, все они дружно метнулись от костра в разные стороны.

При помощи трубы Древних хорошо было видно, что они прячутся в росшем на дне ущелья кустарнике, не сводя глаз с корабля, отчетливо видимого на фоне звездного неба. Странно, чего они так испугались? А они напуганы, можно даже не сомневаться.

— Застопорите ход, Рианель, — обратился я к навигатору, когда костер оказался почти под нами. — Что-то непонятное там творится.

С одной стороны, какое нам дело до этих людей? Они не машут призывно, не кричат, не пытаются подавать сигналы с помощью костра. Но сверху хорошо видно, что часть этих людей (по крайней мере, трое из них) ранены — иначе зачем бы на них белели повязки? Кроме того, в стороне от костра

лежало неподвижное тело, и вряд ли этот человек продолжал спать, когда остальные, едва завидев «Небесный странник», поспешили спрятаться.

– Снижаемся еще, Рианель.

Мы зависли над костром на высоте не самого высокого дерева. Некоторое время внизу стояла тишина, и только слышно было, как потрескивают в костре дрова, и чувствовался запах дыма. Внизу никто не издавал и звука, молчали и мы. Высовываться из-за борта – мы люди ученые: в джунглях Эгастера тот же Родриг словил стрелу, благо, что она угодила ему в руку, не в голову. И хотя я не видел в руках у этих людей ничего даже отдаленно похожего на оружие, но ведь это совсем не значит, что его у них нет.

Наконец, я не выдержал, крикнув первое, что пришло в голову:

– Кто вы? У вас проблемы?

И ожидал услышать все, что угодно, только не встречный вопрос:

– А сами вы кто?

– Быстрая доставка рома, – едва слышно буркнул Гвенанель. – Кто же еще? Заказ выкупать будете?

– Мы пролетали мимо, – это уже навигатор Брендос решил прояснить ситуацию. – Увидели внизу на скалах отблески, заинтересовались. Что-то еще объяснять?

– А откуда вы?

– Оттуда же, откуда и все остальные люди, – вероятно,

Гвен находился не в самом хорошем настроении, потому что обычно шутки у него действительно похожи на шутки.

– Так вы не с Альвенды? – Судя по голосу, с нами разговаривал один и тот же человек.

– Нет, – на этот раз навигатор Брендос был предельно краток.

Ситуация начинала мне надоедать. Бывает же такое: мы, бросив все дела, пытаемся выяснить, не нужна ли им наша помощь, а в ответ какие-то тупые вопросы. И я уже собрался сказать: «Счастливо оставаться» – и потянуть рукоять на себя, чтобы поднять корабль выше, когда снизу послышалось:

– Ради самого Создателя, не улетайте, нам нужна ваша помощь!

Гвенаэль и тут остался верен самому себе, негромко пробурчав:

– За умеренную плату и все деньги вперед.

Я взглянул на него: что это такое с ним происходит? Он уже который день не в настроении. Думается мне, дело в следующем: управлять летучим кораблем, в отличие от морского, намного сложнее, и тут недостаточно одних навыков – у штурвального должен быть нюх, дар, способность чувствовать, что в следующий миг выкинет корабль. У Гвенаэля все это есть в полной мере, и во всех сложных ситуациях именно он занимает место за штурвалом. А что теперь? Любой из команды «Небесного странника» – Мирра, Николь, Амбруаз, наш кок, может встать на его место, и корабль будет слу-

шаться его беспрекословно, повинуюсь малейшему приказу. Все мы чувствуем себя кем-то особенным, и для этого у каждого из нас есть свой повод. Теперь у Гвенаэля его забрали. Как, впрочем, не стало его и у меня: теперь мой дар видеть ветер практически бесполезен. Но я, в отличие от Гвенаэля, задумывался над этим давно, еще тогда, когда Аднер только приступил к установке своего устройства.

«Привыкай, Гвенаэль. И чем быстрее ты привыкнешь, тем лучше для тебя будет», – подумал я.

– Кто вы, и что с вами случилось? – голос навигатора Брендоса, казалось, звучит равнодушно. Но я-то знал, что на самом деле это не так: человек он на редкость отзывчивый.

На палубу, привлеченная криками, давно уже высыпала вся команда «Небесного странника». Появилась на ней и Николь, и теперь я наблюдал за тем, чтобы она, из извечного женского любопытства, не подошла к борту, и не выглянула за борт, готовясь в любой момент окликнуть любимую. Но нет, она, застыла на месте, как будто к чему-то прислушиваясь, после чего поднялась на мостик:

– Эти люди напуганы. Среди них есть раненые, один тяжело, и он очень страдает.

Зная ее, удивляться мне и в голову не пришло. Я лишь подумал, что из нее выйдет идеальная жена – без слов будет мужа понимать. Хотя с другой стороны, и солгать ей уже не получится.

– Мы с «Красавицы Фелиппы», может, слышали о та-

ком? — донеслось с земли.

Конечно же, слышал. И видел. И знаю его капитана. «Красавица Фелиппа» — небольшой двухмачтовик, даже странно, что на таком малыше мачт целых две. А капитаном на нем Амачинель — худой как рыба-игла, и с выдающимся далеко вперед подбородком, имя только не помню. Ничего плохого о нем не знаю, впрочем, и хорошего тоже.

— А где сам капитан Амачинель? — поинтересовался я.

Со мной разговаривал явно не он, у того голос как надтреснутый, а тут сочный такой баритон, прямо оперный.

— Нет больше капитана Амачинеля, — ответил мне все тот же баритон, и тут же поинтересовался: — Лекаря у вас на борту не имеется?

В голосе явно чувствовалось сомнение: ну откуда на таком маленьком корабле, как «Небесный странник», возьмется лекарь? Тут он не прав — лекарь у нас отличный, всем лекарям лекарь, и губки у него самые сладкие на свете, и сама она красавица. Я взглянул на Николь, у которой был такой вид, будто она не станет дожидаться, когда корабль опустится на землю, а спрыгнет вниз, чтобы поскорей помочь нуждающимся в лекаре. Теперь предстояло самое трудное — поднять их всех с земли на борт корабля. Дно ущелья неровное, с множеством камней самого различного размера, и о том, чтобы посадить корабль, не могло быть и речи. И еще. У нас не получится сделать так, чтобы «Небесный странник» завис над самой землей, и достаточно было спустить трап, все, что

мы можем сделать, это спуститься чуть ниже, чтобы хватило длины штормтрапа, он значительно длиннее обычного.

– Эй, на земле! – окликнул я. – Сколько вас, и все ли смогут подняться по штормтрапу?

– Десять нас, десять, и двое точно подняться не смогут, – тут же ответил баритон. Затем, мгновение помедлив, добавил: – И тело.

– Нам еще трупов на борту не хватало! – в своей язвительности Гвен был неугомонен. Николь метнула на него неодобрительный взгляд, но Гвенаэль сделал вид, что ничего не заметил.

– Мы его здесь похороним, – заверили с земли. – Только вы не улетайте, пожалуйста.

И столько в голосе было мольбы, что я невольно вздрогнул, а Гвен на этот раз промолчал.

– Энди, на кабестан!

Устройства устройствами, пусть и самые гениальные, но лучше сделать так, как мы все привыкли. С изобретением Аднера нужно еще освоиться, а Энди Ансельм кожей чувствует поведение л'хассов, так что мы уж лучше по старинке.

– На палубе – приготовить грузовую стрелу! И спустите, наконец, парус!

«Раненых поднимем так, как подняли в Монтоселе мертвецки пьяного Родрига – в сетке, – принял я решение. – Ну а что еще остается?»

– Брендос, займите место у... – указал я подбородком на

рычаг, дублирующий на мостике кабестан.

Случается, что корабль резко проваливается вниз, лучше подстраховаться.

Сам я занял место у борта, держа наготове трубу Древних. Костер по-прежнему горел, давая странные зеленовато-синие отблески на недалекой стене ущелья, и все же определить расстояние до земли было сложно. Тут мне и труба с ее ночным зрением не помощник. «Ну все, пора, сколько можно тянуть».

– Энди, четверть оборота влево, снижаемся.

Корпус «Небесного странника» дрогнул, его почему-то повело в сторону, и мы приблизились к земле на некоторое расстояние.

– Энди, еще самую малость, – тут даже четверти будет многовато.

Краем глаза я видел застывшего у рычага навигатора Брендоса, готового в любой миг поднять корабль вверх. И снова корабль пошел вниз, на это раз даже не дрогнув. Все, еще ниже только приставив мне к горлу нож.

– Спустить штормтрап. Стрелу за борт.

– Поберегись! – крикнул Гвен, спустившийся к тому времени на палубу, выбрасывая за борт штормтрап.

И верно: прилетит кому-нибудь из людей на земле, даже Николь не сможет помочь, мертвецам вообще никто еще помочь не смог.

Родриг с Амбруазом возились со стрелой. Сбоку от них

крутилась Мирра, пытаясь помочь, но Род только отмахивался – не путайся, мол, под ногами. И только Аделард стоял в стороне от всех, как будто бы безучастный, со скрещенными на груди руками. Но это только так кажется, на самом деле задача у него другая. На широком поясе у Ларда висели ножны с мечом, а на расстоянии протянутой руки находился взведенный и заряженный арбалет. На тот случай, если поднявшиеся на борт люди начнут вести себя совсем не так, как ведут спасенные. Энди, застывший у кабестана, изредка поглядывал на меня, но молчал.

«Вижу, Энди, вижу. Вернее чувствую», – думал я.

На такой ничтожной высоте, когда связь с землей очень большая, л'хассы испытывают огромное напряжение. Мало того, они быстро изнашиваются. Хуже всего, что, когда все эти люди поднимутся на борт, нагрузка от их веса прибавится. На высоте, когда поднимемся, она и не почувствуется – подумаешь, десять человек. Но не сейчас, когда корабль может внезапно провалиться вниз. Пусть и немного, но хватит и этого. Но что мы можем сделать? Только ждать, стиснув зубы.

В конце концов, команда с «Красавицы Филиппы» должна понимать все это не хуже нас и поторапливаться. Наконец, над краем борта появилась голова первого из них. Им оказался молодой парень, почти мальчишка. Посмотрев по сторонам, он ловко перепрыгнул через фальшборт, сделал пару шагов и застыл.

К нему направилась Николь, о чем-то спросила, на что он отрицательно покрутил головой. Затем проводил ее таким взглядом, что я зубами скрипнул, так он мне не понравился: щенок, а туда же! Скрипели блоки стрелы, повизгивала лебедка – поднимали одного из тех, кто не мог взобраться сам, а снизу доносился частый стук камней.

«Это они одного из своих заваливают, – догадался я. – Напрасно Гвен волновался, не будет покойника на борту».

Из-за борта показалась сетка с лежащим в ней телом с безвольно откинутой рукой. Одновременно с ней по трапу на борт поднялся еще один человек, на этот раз пожилой, выглядевший совсем стариком. Тело вынули, осторожно уложили на палубу, и сетка снова исчезла.

– Поторапливайтесь внизу, – зычно крикнул навигатор Брендос.

Над пострадавшим, встав на колени, склонилась Николь, взяв беднягу за одну руку и положив вторую ему на лоб. А этот юнец все продолжал на нее пялиться. Стук камней на земле прекратился, и по трапу один за другим начали подниматься люди. Вскоре подняли и второго раненого, но этот был в сознании и даже попытался сам встать на ноги, когда сетка легла на палубу.

– Все, больше нет никого, – сообщил последний поднимающийся по трапу. Судя по голосу, тот самый, который с нами и разговаривал с земли.

– Можно взлетать.

– Энди, пол-оборота вправо, поднимаемся, – распорядился я, пересчитывая спасенных. Их действительно оказалось десять, и все они выглядели так, как будто избавились от чего-то страшного. Тот, кто вскарабкался последним, поднялся на мостик, осмотрелся, признал во мне капитана, представился:

– Навигатор Куин Гастиль.

– Капитан Сорингер, – кивнул я ему в ответ.

Палуба давила на ступни – «Небесный странник» поднимался ввысь, я, прищурив глаза, высматривал воздушные потоки, думая о том, что опять мой дар востребован. Наконец, мы поднялись достаточно высоко, чтобы связь с землей ослабла настолько, что наполнившийся ветром парус смог двинуть корабль с места. На глазах у этих людей нам придется обходиться без детища Аднера. Наконец, «Небесный странник» набрал достаточную высоту.

– Поднять парус! Право на борт, – скомандовал я снова занявшему место за штурвалом Гвенаэлю. – Правь на пик вон той горы. – После чего обратился к навигатору «Красавицы Фелиппы»: – Рассказывайте, господин Гастиль, что же с вами произошло.

– Нас атаковал альвендийский корабль, – сообщил он и взглянул на палубу, туда, где Николь по-прежнему склонялась над лежавшим на палубе человеком, пытаясь ему помочь.

– Да что вы такое говорите! – только и хватило меня. – Ни-

когда не приходилось слышать, что альвендийцы промышляют пиратством.

– Это еще не самое удивительное из того, что вы сейчас услышите: альвендийский корабль двигался по небу без помощи парусов.

Глава 5

Ненужные условности

Надеюсь, в тот момент у меня на лице не дрогнул ни один мускул, хотя было с чего: возомнить себе, что мой корабль в небе такой единственный, и вдруг так жестоко разочароваться.

– Да, господин Сорингер, это действительно так – корабли альвендийцев на самом деле могут двигаться без помощи парусов. По крайней мере, один из них. Тот, что напал на «Фелиппу» вчерашней ночью.

– Веслами гребут, что ли? – раздалось у нас за спиной.

Это поинтересовался Гвенаэль, даже не пытаясь скрыть иронию в голосе. Гастиль посмотрел на него: что это, мол, всякий штурвальный влезает в разговор серьезных людей, но благоразумно промолчал, не у себя дома.

«И правильно сделал, – подумал я. – Гвен не всякий. Он из команды „Небесного странника“, а у нас случайных людей нет. И все же как неожиданна услышанная от Гастиля новость, ведь она может поменять все мои планы. Если он не ошибается, получается, там, на юге, за высокими горами, отделяющими Альвенду от остального мира, то, что летучие корабли могут двигаться без помощи парусов, не секрет».

– Нет, не веслами, – продолжил Гастиль, глядя уже на ме-

ня. – Не представляю, как это у них получается, но когда они на нас напали, паруса на корабле были убраны, иначе мы бы их заметили задолго до того. Кстати, ходят упорные слухи, что альвендиец обосновался на Островах уже давно, и несколько бесследно исчезнувших кораблей тоже его работа. В таком случае, считаю, нам еще повезло остаться в живых.

На мостик поднялась Николь и встала чуть в стороне. Кивнув Гастилю – подождите, мол, я обратился к ней:

– Слушаю... – у меня едва не вырвалось «солнышко», но вовремя себя одернул, – ...вас, госпожа Соланж.

«Все это до поры до времени, – подумал я, – пока они все не увидят, как мы вместе скроемся в капитанской каюте. Или поодиночке».

Николь сразу приняла правила игры.

– Господин капитан, – тут девушка посмотрела на Гастилея и обратилась уже к нему: – одного из ваших людей мне спасти не удалось.

Гастиль разом помрачнел:

– Это Конрак. А я обещал его матери...

Он тут же одернул себя:

– Нисколько не сомневаюсь, леди, вы сделали все, что могли.

«И даже более того, – взглянул я на Николь. – Значительно больше. Николь может пожертвовать собой ради раненого, иногда ее саму приходится буквально вырывать из лап смерти. Как произошло это в случае с музыкантом Гербер-

ГОМ».

Николь выглядела так бледно, что даже в свете единственного на мостике фонаря бросалось в глаза. Внезапно девушку качнуло, и я, отбросив все ненужные условности, крепко прижал ее к себе:

– Как ты? Я провожу тебя в каюту.

– Не надо, Люк. – Николь на какой-то миг прильнула ко мне, затем мягко отстранилась. – Я дойду сама. Да и нельзя тебе покидать мостик.

В этом она права. На глазах Гастилия нам не стоит пользоваться тем, с помощью чего мы в это ущелье и попали – он навигатор, и сразу заподозрит неладное. И теперь придется изрядно попотеть, чтобы выбраться из этих теснин. Хотя при крайней необходимости я плюну на всю эту таинственность – жизнь дороже. И Брендосом не подменишься: придется использовать мой дар видеть воздушные потоки, которого он лишен напрочь.

– Ты справишься? – рука моя продолжала лежать на талии Николь. И на всякий случай, и потому что приятно.

– Да, Люк. Но только если ты меня сейчас поцелуешь.

На всякий случай я поцеловал ее три раза: много – не мало, чтобы уж точно ничего не случилось. Николь спустилась с мостика и, подойдя к тому юнцу, что все время на нее пялился, что-то ему сказала, после чего взъерошила волосы. Затем посмотрела на мостик, нашла меня взглядом, изобразила губами поцелуй, и скрылась. Только слышно было, как

хлопнула дверь капитанской каюты. Юнец продолжал смотреть ей в след, прижав ладонь к голове, к тому месту, где ее недавно коснулась девушка.

С камбуза пахло чем-то вкусным, вероятно, Амбруаз готовил что-то на скорую руку, чтобы накормить этих людей. А парень все продолжал стоять как изваяние, хотя бы пошевелился разок.

«И когда она успела обратить внимание, как он на нее смотрит? Хотя разве от женщины подобное скроешь?»

Гастиль крикнул, напоминая о себе.

«Помню я о тебе, помню, но сначала необходимое».

– Энди, один оборот, выше пойдем. Гвенаэль, давай-ка еще правее.

Слева поток нехороший, если вовремя не взять в сторону и выше, то он может внезапно кинуть нас на отвесную стену, так что лучше подстраховаться.

– Итак, господин Гастиль, давайте сначала решим самый важный вопрос: куда вас доставить?

Тот не раздумывал ни мгновения:

– Нас устроит любое поселение, но если вас не затруднит, хотелось бы попасть в Алавесир.

В Алавесир – нисколько не затруднит, удивительно, но даже по пути. Нам в любом случае пришлось бы в него заглянуть и кое-что передать – двадцативедерные бочки, числом три, наполненные, как несложно догадаться, вином. И что особенно приятно, вино с континента, с юга герцогства, то

есть с моей родины.

Вот если бы в Монтосел, тогда бы не то, чтобы затруднилось, но возвращаться туда, откуда несколько дней назад мы вылетели, большого удовольствия нам бы не доставило.

На мостик поднялся Брендос, но говорить ничего не стал. Да и есть ли в этом смысл, когда вся палуба на виду.

– Так что же все-таки с вами произошло?

Едва Гастиль набрал воздуха и открыл рот, как нас снова перебили: Амбруаз Эмметт явился с подносом, и центр его занимал кофейник с длинным и узким горлышком. Пустынный лев расположил его на небольшом столике в углу мостика. Должен признать, у нас на «Небесном страннике» все скромных размеров, как и сам он.

Кофе Амбруаз готовить умеет, один запах чего стоит – густой, насыщенный, с едва уловимым ароматом чего-то непонятного. Свой секрет (что он добавляет в кофе для придания напитку удивительного вкуса) Амбруаз никогда не раскрывал, сколько его не спрашивали.

– Быть может, чего-то покрепче? – поинтересовался я у Гастилия. После всего пережитого, пара добрых глотков рома, например, то, что нужно. Но навигатор с «Красавицы Фелиппы» отрицательно покрутил головой.

– Эмметт, выдайте нашим пассажирам по стакану рома, – обратился я к корабельному коку, подумав: «Остальные точно от него не откажутся». – И навестите, пожалуйста, Николь, она неважно себя чувствует. Может быть, ей что-ни-

будь понадобится.

Брендос налил кофе навигатору «Фелиппы», себе, затем взглянул на меня.

– Не стоит, – отказался я, поймав понимающий взгляд от Брендоса и немного удивленный от Гастияля.

Сейчас, когда мы поднялись на высоту больше обычной, на мостике значительно похолодало. Кроме того, высокий задний борт не слишком-то хорошо защищал от пронизывающего ветра, дуящего нам в спину. И что может быть в такой ситуации лучше чашечки-другой горячего бодрящего напитка? Согласен, но не знаю уж, по какой причине, после чашки крепкого кофе мне становилось значительно сложнее увидеть воздушные потоки. А они нам еще понадобятся. Но Гастиялю об этом можно не знать.

– Так как же все произошло? – навигатора Брендоса можно было бы отправить отдыхать: ему предстоит нести вахту всю вторую половину ночи, но как тут уйдешь?

– Мы летели в Банглу, – начал Гастиль, покончив с одной чашкой и наливая другую. – Везли древесину синуля, копру, жемчуг, – и, помолчав еще некоторое время, сказал: – Ну и еще кое-что.

«Вот это да! – удивился я. – Интересно, „кое-что“, что это именно?»

С капитаном «Мантельского удальца», помимо связывающих нас воспоминай, мы разговаривали и еще о многих вещах. Адеберт посвятил меня и в местные реалии. Так вот,

согласно им, весь экспорт жемчуга с архипелага находится в руках местного губернатора и ни одной жемчужинки без его ведома не вывозится. По крайней мере, так он думает сам. Вообще-то сюда прибывает много народу, рассчитывающего разбогатеть на добыче разноцветных блестящих шариков. Кому-то везет, кому-то не очень, но всю добычу они сдают людям губернатора. И если я понимаю правильно, а в этом можно не сомневаться, ведь следовала «Красавица Фелиппа» в Банглу, а не в Монтосел – столицу островов, этот жемчуг губернатор никогда бы не увидел. Следовательно, товар был контрабандный. И что же кроется за этим «кое-что еще», если, фактически сознавшись в факте контрабанды, об остальном Гастиль решил умолчать?

Относительно самого факта контрабанды ему беспокоиться нечего – предложи мне кто-нибудь нечто подобное, и я без раздумий соглашусь. Заработать можно неплохо, и дело не такое предосудительное, как, например, торговля «живым товаром» – рабами, на что я не пойду никогда. И все-таки, что же это? Золото? Сомневаюсь. Нет на архипелаге золотых копий, на единственном руднике, расположенном на острове Анхейм, добывают железную руду.

Ну да ладно, слишком мало я пока знаю о местной жизни, чтобы сделать правильные выводы.

– Что было дальше? – поинтересовался я, глядя на то, как в небе образуется новый воздушный поток. Если он наберет достаточную силу, мы сможем им воспользоваться, что из-

бавит нас от многих лишних движений.

– Дальше? – Гастиль проследил за моим взглядом, затем взглянул на палубу, где расположились его люди. – Дальше все произошло настолько неожиданно, что повторись все сначала, изменить ничего бы не получилось. Когда альвендийский корабль внезапно появился из-за вершины горы, он шел нам навстречу, строго против ветра, и на его голых мачтах не имелось ни единого паруса. Представляете, против ветра! Без парусов! Уже наступила ночь, но ошибиться мы не могли – на фоне звездного неба все было видно отлично. Капитан Амачинель, видя, что корабль идет прямо на нас, приказал сигналить вспышками, одновременно уходя в сторону и резко снижая высоту. Мы рисковали – л'хассы могли не выдержать такого издевательства, а что следует за этим, вы и сам знаете хорошо.

– Знаю, – кивнул я.

– И когда мы уже были уверены, что нам удалось уклониться от атаки, альвендиец снизился настолько быстро, что не оставил никаких шансов.

Гастиль посмотрел на дно чашки, затем на уже опустевший кофейник.

– Что было потом, представить легко. Альвендиец лег на «Фелиппу» всем своим весом и ее наклонило так, что часть людей сразу же выпала за борт. Мне самому удалось удержаться только чудом.

Навигатор погибшей «Красавицы Фелиппы» вздрогнул

всем телом, вероятно вспоминая полные ужаса вопли людей, падающих к земле навстречу своей смерти. Или заново пережив те мгновения, когда вместе с ними едва не выпал сам.

— Грот-мачта треснула пополам, и наше счастье, что рухнула она в другую сторону, выправив корабль. Невероятно, но Амачинель сумел посадить корабль. Мы сразу бросились в джунгли, глядя на то, как альвендийцы спускаются, чтобы поживиться тем, что осталось от нашего корабля. Я видел, спрятавшись в кустарнике, как они высаживают своих людей. К утру умер капитан Амачинель, вероятно, у него не выдержало сердце.

«Ну да, многие из капитанов рано или поздно уходят на тот свет именно так. И в этом нет ничего удивительного: сердца у них изнашиваются от постоянного напряжения. Как л'хассы».

— Потом они улетели. К рассвету, когда мы приблизились к «Фелиппе», на ней не осталось ничего ценного. Альвендийцы забрали все, что только можно унести и что стоит хотя бы медную клипу. Недалеко от корабля мы и нашли Конрака. Он единственный остался на корабле, вероятно, надеясь спрятаться на нем. Мальчишка. Кто-то из них обнаружил его, после чего раскроил голову топором или саблей.

И Гастиль посмотрел на палубу, туда, где лежало тело того, о котором он сейчас рассказывал.

— Вот так нас и осталось десять человек, вернее, уже девять, из восемнадцати, — закончил свой рассказ навигатор.

– Выпейте все-таки рому, Гастиль. Люди еще не придумали лучшего средства в таких ситуациях, да и очень сомневаюсь, что когда-нибудь у них получится. Брендос проводит вас в каюту, а я распоряжусь Эмметту, чтобы он вам принес рому, и все, что к нему полагается. Надеюсь, вам это поможет.

Понимая, что ему совсем не до этого, и все же не смог удержаться, чтобы не спросить:

– Скажите, Гастиль, а что это были за отблески на скале? Тот пожал плечами:

– Даже не представляю. В ущелье мы попали уже в сумерках, и скала выглядела обычной. Но стоило нам только разжечь костер, как мы обнаружили то, что позже увидели и вы.

* * *

– Ничего себе!

Я едва не присвистнул, когда передо мной открылся вид Алавесиры с высоты мостика «Небесного странника», летящего на обычной для себя высоте. Обычная – высота, с которой на земле видны окна домов, движение рук и ног идущих людей. Ниже – связь с землей не позволит кораблю развить всю скорость, на которую он способен. Ну а выше просто холодно, хотя ход можно набрать значительно больший. Конечно, если забраться совсем уж высоко, связь с землей станет настолько мизерной, что летучим кораблем невозможно бу-

дет управлять, и тогда его будет носить по небу волей ветра. Удивиться стоило: Алавесир, вопреки моему ожиданию, выглядел не намного меньше Монтосела, и кораблей на посадочном поле стояло около десятка. Теперь я понимал слова Гастилия, когда на мой вопрос «почему именно Алавесир?», он ответил:

– Из него будет проще добраться куда угодно.

– Девять, – произнес навигатор Гастиль, после чего оторвал трубу от глаз и протянул ее мне. – Взгляните во-о-н на тот, что находится чуть поодаль от всех остальных, на самом берегу залива.

– Нет, не он, – вернул я ему трубу некоторое время спустя. – Хотя, несомненно, ганипурец.

Есть у меня один заклятый враг, с далекого Ганипура, огромного острова, расположенного посреди Сурового моря. Настолько заклятый, что каждая встреча с ним едва не заканчивалась гибелью моего корабля. Не хватало только встретить его здесь. А корабль похож, очень похож, и даже носовая фигура, которыми так любят украшать ганипурцы свои корабли, тоже изображает морского дракона. Но у этого кормовая надстройка пониже, да и сам он явно более ранней постройки: в мощную трубу Древних такие детали разглядеть достаточно легко.

– Люк, может быть, на этот раз без обычного твоего ребячества? – тихо, для нас двоих, спросила меня Николь.

Мне действительно хотелось приземлить «Небесный

странник» так, чтобы произвести на всех впечатление. Николь посмотрела на меня особенным взглядом, и я все ожидал от нее услышать: «Обещаешь?», но она промолчала. Промолчал и я. Не знаю, как она догадалась, но от своего намерения я не откажусь.

– Куда будем сажать корабль, капитан? – поинтересовался Рианель Брендос.

Вообще-то, несмотря на большое количество кораблей, на поле свободного места хватало. Особенно на противоположном от города краю. Не самая престижная часть посадочного поля, чего уж там, но так и мы ведь не что попало, чтобы приземлять корабль именно там. Раз его там посадишь, другой, а потом и все поле будет свободным, но тебе обязательно скажут: «Что ты, мол, не свое место занимаешь? Твое место во-он там!» В общем: сам себя не будешь уважать, и другие не станут. Особым шиком считается посадить корабль как можно ближе к обязательной на краю поля таверне. Чтобы спустил с борта трап, сошел по нему на землю и оказался у самых ее дверей. Немного преувеличиваю, но так оно и есть.

Таверна в Алавесире была знатная, в два этажа. И размеры далеко не самые скромные, такая и на материке бы для любой столицы подошла, что тоже немного удивительно. И невдалеке от нее стоял двухмачтовый корабль. Так вот, я и поставил себе задачу приземлить «Небесный странник» между ним и таверной. Причем не просто приземлить, а таким образом, чтобы всем сразу стало понятно: капитан на

«Небесном страннике», несмотря на молодость – мастер своего дела. Словом, произвести на всех нужное впечатление. Работать нам на Островах, надеюсь, придется долго, так что лишним не будет. И немалое скопление кораблей как раз к месту – много любопытных глаз будет наблюдать за приземлением корабля.

Я осмотрел корабль: все на местах. Энди Ансельм расположился у кабестана. За штурвалом – лучший наш рулевой Гвенаэль Джори. Ну и парусная команда наготове, а она у нас состоит из целых двух человек: бородача Родрига и подруги Ансельма – Мирры. Так что можно начинать.

Прищурившись, я вгляделся в небо. Как будто бы воздушные потоки не думают распадаться, что особенно нежелательно в этот ответственный момент.

– Считаете, места для нас будет достаточно? – поинтересовался Брендос, выглядевший абсолютно спокойным. Приятно, когда твой навигатор так уверен в тебе.

– Думаю, да, – пожал я плечами. – Иначе нам придется заплатить за ремонт таверны. Или этого корыта, что стоит рядом с ней.

Сказать по правде, «корыто» таковым совсем не выглядело. Напротив, он выглядел в точности как моя мечта о новом корабле.

Двухмачтовый красавец с увеличенной кормовой надстройкой, где капитанская каюта обязательно должна быть значительно просторней моей. Ну и обводы корпуса у него

такие красивые, что залюбуешься, хотя это уже мелочи. Мне бы такой корабль, да с приводом Аднера!.. Эх, мечты, мечты.

– Энди, оборот влево, снижаемся. И помедленней, помедленней.

Мы шли к выбранному месту полным ходом, и поэтому ни в коем случае было нельзя снижать высоту резко. Как выражается Берни Аднер, когда противоположные силы начинают действовать друг на друга, жди беды.

– Гвен, держи курс прямо на то белое здание, – судя по всему, городскую ратушу.

Помимо моей воли, сердце стучало часто-часто: сейчас начнется!

«Может быть, зря я все это затеял?» – пронеслось в голове. Но что-то менять было уже слишком поздно: внизу полно зевак, и на кораблях, и на самом крыльце таверны, и все они сообразили – сейчас что-то будет.

– Родриг! – взревел я, и «р» у меня получилось красиво так, раскатисто. – Гафель на правый борт! – и уже тише, подавая команду на штурвал, до него всего три шага: – Гвен, право руля. Руль на борт!

«Небесный странник», все еще следующий полным ходом, накренившись, начал разворачиваться кормой вперед. И когда он почти уже развернулся, я отдал новые команды:

– Спустить паруса! Ансельм! Влево, на спуск.

Чтобы указать, сколько именно прокрутить кабестан, я показал ему большой и указательный пальцы, разведенные

примерно настолько, сколько показывают, когда просят налить рому ровно на один глоток. Энди понял мой жест прекрасно, и потому провернул сколько требуется, чтобы «Небесный странник», увеличив связь с землей, погасил скорость, в то же время не испытывая чрезмерной нагрузки на л'хассы.

Развернуть корабль в воздухе может всякий. Вся сложность заключалась в том, чтобы он не завис между двухмачтовиком и таверной поперек, ведь его длины как раз хватило бы, чтобы упереться в них обоих. И тогда, под свист и улюлюканье с земли, пришлось бы подниматься высоко вверх, ловить парусами ветер, набирать ход, и снова заходить на посадку, сделав широкий круг.

«Небесный странник» застыл в воздухе именно так, как я и рассчитывал. Я выглянул за борт, чтобы убедиться – в промежуток мы вписываемся, и снова показал палец Энди, но теперь уже единственный. Корабль застыл в воздухе над самой землей. Спустившись на палубу, я едва притронулся к кабестану, чтобы через пару мгновений услышать из-под днища легкий скрип песка. Все, можно принимать поздравления.

– Сорингер! – донесся со стороны таверны голос, показавшийся мне знакомым.

Выглянув, обнаружил на крыльце, тянущемся на весь фронтон таверны, несколько человек, с интересом наблюдавшим за происходящим. И одного из них я действительно

знал.

– Слушаю тебя, Хьюз, – ответил я, а именно он это и был.

Старина Чарни Хьюз, мы вместе с ним в Дигране проходили коллоквиум, получая патент навигатора. Да и потом мы с ним много раз встречались. Последний раз, кстати, там же, в Дигране. Конопатый такой толстячок, с волосами цвета соломы и светлыми глазами. И еще усатый. Что забавно: усы у него темные, почти черные, хотя он их никогда не подкрашивает. Сколько он шуток из-за них натерпелся, иногда даже очень злых, но сбрить категорически отказывался. Отличный навигатор, боюсь только, капитаном ему никогда не стать – характер не тот. Хотя, возможно, напрасно я боялся: полгода прошло с тех пор, как мы с ним последний раз виделись, а за этот срок многое могло измениться.

– Сорингер, – продолжил он. – Ну чем ты еще нас можешь удивить, после того как прошел Великим каньоном?... Да, это именно он и есть, – обратился он уже к окружающим его людям. – Тот самый капитан Люкануэль Сорингер, о котором я недавно рассказывал. И надо же такому случиться, он и сам объявился тут как тут. Спускайся, Люкануэль, здесь как раз один разговор пошел, и думаю, что он покажется тебе интересным.

– Буквально пару минут, Чарни, – не замедлил я с ответом. Зная его, разговор непременно должен идти о деньгах, вернее, о возможности их заработать.

На крыльце появился еще один человек, судя по недоволь-

ному виду и белоснежному фартуку – владелец заведения. Как же: мой корабль едва не перекрыл ему вход в таверну.

– Хозяин! – весело окликнул его Гвен. – Тебе из Монто-села кое-что передали. Открывай окно: мы сейчас стрелу заведем, и бочки сразу в зал и поставим. Даже на грузчиков не придется раскошелиться.

В чем-то Гвенаэль прав: хотя стрела и не дотянется до окна таверны, но все же я перестарался. Ничего, исправим.

На палубе «Небесного странника» собрались люди из спасенной команды «Красавицы Фелиппы». Впереди всех стоял Гастиль, явно заготовивший слова признательности за все, что мы для них сделали.

– Не стоит, Гастиль, – не дал я ему возможности начать благодарственную речь, чтобы не затягивать прощание. Слова Хьюза очень меня заинтересовали, и задерживаться не хотелось. – Скажите только, возможно, я еще чем-нибудь смогу вам помочь?

– Нет, спасибо, капитан Сорингер. Если вы о деньгах, то еще раз спасибо, с этим как раз все в порядке: единственное, что мы успели забрать с «Фелиппы», так это корабельную кассу.

Последним с борта корабля сходил тот самый юнец, на которого, как я понял, Николь произвела неизгладимое впечатление. Он все время оглядывался, мечтая увидеть ее на прощание еще разочек. Мне даже пришлось слегка хлопнуть его по плечу, чтобы не задерживался на трапе, мешая спускаться.

ся всем остальным.

– Господин навигатор, – обратился я к Рианелю Брендосу, когда последний пассажир покинул борт корабля.

– Слушаю вас, капитан.

– И все же мы, наверное, погорячились, – поведал я ему, как будто посадить «Небесный странник» так близко к таверне было нашим общим решением. – Поднимите корабль в воздух и поставьте его на более подходящее место, а затем присоединяйтесь к нам.

Когда я подходил к по-прежнему стоявшим у входа в заведение небесным парителям, собираясь их поприветствовать, с высоты борта «Небесного странника» послышалось:

– Люк, может быть, меня с собой возьмешь?

По трапу спускалась Николь, и мне едва удалось сдержаться от того, чтобы не скривиться. Она что, доконать меня решила своим платьями, с длиной подола едва до щиколоток? К тому же оно облегающее и с открытым верхом. Раньше, когда Николь предпочитала носить просторные наряды, выглядевшие почти балахонами, только я один знал, что под ними скрывается. Стройная фигурка, высокая грудь, талия, которую легко можно обхватить пальцами рук. А что теперь? Любуясь – не хочу всяк, кто только пожелает.

За спиной я слышал восторженный шепот капитанов, а уж эти ребята знают толк в женской красоте. С одной стороны, конечно, приятно, особенно на Островах, но с другой – какой теперь у меня получится серьезный разговор? Точно не

до него будет.

Николь спустилась по трапу, подошла ко мне, погладила по щеке, а затем, поднявшись на носки, поцеловал в щеку. И сказала, уже не мне, остальным:

– Господа, надеюсь, я не помешаю?

Будь я проклят, если хоть один ответил обратное.

– Нет, леди, как вы можете такое подумать?! Вы будете украшением нашего застолья, леди! – и даже: – Вы поразили меня своей красотой в самое сердце! Вот что я от них услышал.

Девушка подхватила меня под руку:

– Пошли, милый? – И потянула к входу в таверну.

«С другой стороны, – размышлял я, – пусть все видят, какая у меня женщина. А то, что она именно моя, Николь ясно дала всем понять».

В зале мы уселись за длинным столом, расположенным у противоположной от входа стены. Мне и в голову не пришло удивляться, обнаружив его заставленным всевозможной выпивкой и закуской, а за ним самим нескольких женщин. Как же еще обсуждать серьезные дела, если не таким образом? Хотя, возможно, существуют и другие варианты, но не для нас, небесных парителей. Пусть торговцы или банкиры обсуждают дела, запершись в комнатах и занавесив окна, где никто не сможет их подслушать или увидеть, запивая слова водой, нам же скрывать нечего. Ну разве что без танцев мы обходимся, да и то далеко не всегда.

За окнами мелькнула тень, и в зале стало заметно светлее – это поднялся в небо «Небесный странник», ведомый моим навигатором. Подозвав службу, я небрежным жестом положил перед ним на столешницу несколько золотых ноблей, затем обвел рукой стол: кто чего пожелает. В любом другом случае, тем более в присутствии Николь, я не стал бы сорить деньгами, но такова традиция, а их, как всем известно, нарушают только ради других традиций.

Первый тост – хотя, сколько их уже успели произнести без нас? – тоже был согласно традиции: «За небо!».

Все подняли вверх кубки и бокалы, как будто указывая, где именно оно находится, затем дружно приложились к ним. Кто-то надолго, кто-то едва пригубив, но тут уже каждый себе хозяин, обязанности нет.

Отпив из своего, я оглядел стол более внимательно. Присутствующие за ним женщины, что-то около полудюжины, выглядели весьма привлекательно, но Николь, конечно же, затмила их всех. Как солнышко затмевает, поднявшись над горизонтом, самый яркий фонарь. Лишних людей за столом не было, только капитаны, навигаторы и дамы.

«С виду приличная компания, – пригляделся я. – Надеюсь, и дела они обсуждают такие же приличные».

Не понравился мне только один человек, усевшийся по левую руку от Николь, слишком уж пристально он на нее поглядывал. Да еще и пытался прикоснуться под любым предлогом. Наконец, в тот самый миг, когда я собрался сказать

ему нечто крайне язвительное, что вполне могло бы сойти и за оскорбление, он внезапно потерял к ней интерес. Причем полностью, как будто ослеп и не видит, что рядом с ним сидит такая очаровательная девушка. Но это была уже не моя заслуга: вряд ли он испугался моих зверских взглядов – Николь применила свой дар, заставляющий людей повиноваться. Вероятно, ей самой надоел такой назойливый ухажер.

– Не злись, Люк, – шепнула мне она. После зачем-то добавила: – И не вздумай напиваться.

– Это бы с чего? – удивился я. – Нет у меня такой дурной привычки. А если и была, я бы обязательно на время о ней забыл. Оставишь тебя тут одну в компании, где каждый второй готов раздеть глазами, а каждый первый это уже сделал.

После второго тоста, а он тоже всегда один и тот же: «За тех, кто уже не с нами», разговор пошел о случившемся с «Красавицей Фелиппой».

Выслушав мой краткий рассказ о том, что произошло, все заговорили разом.

И так же разом умолкли, когда слово взял обритый наголо седоусый капитан корабля, носившего чересчур претенциозное на мой взгляд название «Длань возмездия», у которого и служил навигатором мой приятель Чарни Хьюз.

– Второй случай за последние несколько недель, – заговорил он. – А если принимать во внимание еще и исчезнувшего «Небесного ходока», то, возможно, и третий. И во всех трех, очевидно, замешан таинственный альвендиец.

С напускным равнодушием я поинтересовался:

– И что, этот альвендиец действительно может двигаться по небу без помощи парусов? Разве такое возможно в принципе?

На мой вопрос он только пожал плечами.

– Думаю, тут дело в другом. Альвендийцы научились каким-то образом планировать на своих кораблях, резко снижая высоту. И тогда паруса только помеха. Хотя и в этом случае непонятно: как л'хассы выдерживают такую нагрузку? Но все это только мои предположения.

«Уж не объявили ли награду за этот пиратский корабль? – размышлял я. – Тогда мне точно ничего не светит: на „Небесном страннике“ с ним точно не совладать», – когда от него услышал:

– Ну да хватит об этом, не для того собрались. Капитан Сорингер, вам известно о существовании острова Неистовых Ветров?

Глава 6

Ночной убийца

Название острова не заставило меня вздрогнуть, или проявить эмоции любым иным способом. С чего бы, если у меня с ним ничего не связано? И потом, знает ли хоть один из присутствующих здесь, каковы ветра в Великом каньоне в Гурандских горах? Впрочем, нет, один точно знает – я заметил входившего в залу навигатора Брендоса.

Рианель на миг застыл на пороге, привыкая к легкому полумраку, царившему в таверне, после яркого дня улицы. Когда солнечные лучи начали бить прямо в залу, хозяин распорядился закрыть окна тяжелыми, не пропускающими свет шторами. Не из-за самих лучей – из-за жара, который они приносили с собой. А заодно уж и открыть окна на противоположной от входа стене. И все же было душновато. Но придется привыкать, здесь, на Островах, климат намного более жаркий, чем на континенте. Недаром же туземки носят на себе так мало одежды. Я скосил глаза на одну из них, усевшуюся на колени к седоусому капитану и обвившую его шею руками. Еще и голову прижала к его груди. Нисколько не сомневаюсь, где-то там, вдалеке, у него остались семья, дети, а возможно, и внуки. Ей же лет семнадцать, не больше.

Затем взглянул на Николь, о чем-то оживленно беседу-

ющую с дамой напротив. Нет, не нужны мне красотки, все вместе взятые и каждая по отдельности, они не стоят даже ее мизинца. Приблизившись, Брендос поприветствовал всех:

– Добрый день, дамы и господа. Надеюсь, не помешаю?

Затем посмотрел на соседа Николь, того самого, с узкими черными усиками, и тот поспешно отодвинулся в сторону, уступая ему место.

Вообще-то заведение по местным меркам считается фешенебельным, но в общей зале у столов поставлены лавки, прочные и тяжелые даже на вид. Наверное, в таверне есть комнаты и с более приличной мебелью, но вряд ли найдется хоть одна, способная вместить нас всех.

Усевшись, Брендос внимательно осмотрел стол перед собой, в одном блюде поковырялся трезубой вилкой, из другого что-то даже положил себе на тарелку – попробуй, удиви его чем-нибудь после кулинарных изысков нашего Пустынного льва. Налил вина в кубок, отпил немного, поставил его на стол, и только после всего этого сообщил:

– К северу от Алавесира в небе какой-то корабль. Судя по всему, он направляется именно сюда.

– Это «Альбатрос» капитана Солетта, – уверенно заявил Чарни Хьюз. – Вообще-то он должен был прибыть еще утром.

«Ну вот, и еще один мой хороший знакомый объявился, – удовлетворенно подумал я. – Непременно, это тот самый Ник Солетт. Слишком велико совпадение, чтобы и корабль

назывался „Альбатросом“, и капитаном на нем был именно Солетт. В общем, жизнь на Островах налаживается».

Ник Солетт, конечно, не был мне так близок, как Адеберт Кеннет, но отношения у меня с ним сложились самые дружеские. Остается только подождать его прибытия, чтобы убедиться окончательно.

– Так что же там с островом Неистовых ветров? – попытался я направить разговор в интересующее меня русло.

Сам остров расположен к юго-западу от этих мест, на расстоянии нескольких дней полета. По очертаниям на карте он чем-то схож с клешней омара, тянущейся к еще одному острову, называющемуся Дюгонь. Кстати, остров нисколько не похож на давнее ему название животное, скорее на горбатого кита с приоткрытой пастью. А вот Энстад, остров, на котором моему навигатору не посчастливилось влюбиться, и, судя по некоторым признакам, чувства его нисколько не притупились, походит на дюгоня значительно в большей степени. Но это так, к слову, возможно, все дело в моей фантазии.

Свой вопрос я направил к седоусому капитану «Длани возмездия». Такой интересный разговор начался – и на тебе, прервался в самом начале. Ну и еще для того, чтобы его отвлечь: мне не нравилось, как он пялится на Николь. Подумать только: возрастом в отцы ей годится, на коленях у него полуголая молоденькая красотка, а он пялится!

Хотя, конечно же, если бы госпожа Софи-Дениз-Мариэль-Николь-Доминика Соланж советовалась бы со мной в

выборе своих туалетов, платье у нее было бы намного более скромное. И уж точно прикрывало бы туфельки. И еще мне показалось, что она пару раз ему улыбнулась. Нет, конечно, Николь улыбочивая девушка, но я-то сижу рядом, вот и улыбайся мне, сколько душа пожелает.

Седоусый, наконец, перестал глазеть на Николь, не переставая при этом прижимать к себе паурянку, и посмотрел куда-то в сторону:

– Пусть уж лучше господин Досвир повторит свое предложение.

На этого господина я обратил внимание еще в самом начале – он единственный из всех сидел за столом с откровенно скучающим выражением лица. Невзрачной наружности, возрастом хорошо за сорок, мне он показался чьим-то навигатором из той категории людей, что навечно остаются в этой должности. На карьеру они уже наплевали, а что-то в жизни поменять и заняться тем, в чем у них больше шансов добиться успеха, не хотят – их останавливает страх перемен. Как выяснилось, плохой из меня чтец по лицам.

– Я представляю интересы господина Кристофера Жануавье, – начал он, и сидевшие за столом уважительно кивнули. Кивнул и я, голова не отвалится. И все же вполголоса поинтересовался у Чарни Хьюза:

– А кто это такой, господин Кристофер Жануавье?

На что он негромко ответил:

– После, Люк, расскажу, при случае. Но очень влиятель-

ный на Островах человек, что скрывать.

– Так вот, – начал свой рассказ Досвир. – Суть нашего предложения в следующем. Как всем должно быть известно, на самом северном острове архипелага Анхейме имеются железные рудники. Вернее, рудник пока единственный, и очень скудный, добываемой на нем руды катастрофически не хватает, и потому изделия из стали завозят с материка, что, конечно же, влияет на их цену. Не так давно наши рудознаты обнаружили на острове еще одно месторождение, причем значительно более богатое. Но разрабатывать его невероятно сложно по одной простой причине – на Анхейме полностью отсутствуют источники питьевой воды.

Тут все кивнули снова. Вслед за ними кивнул и я, вспомнив рассказ Каиллюайля Фамагосечесийта о том, что пресную воду на острове получают из морской при помощи таинственного механизма Древних.

– А почему ее не завозят с других островов? – вновь поинтересовался я у своего соседа по столу.

Хьюз пожал плечами:

– Завозить-то ее завозят, да только получается она золотой. Морем туда не доберешься, а по воздуху сам понимаешь.

Меж тем Досвир продолжил:

– До недавнего времени воду добывали механизмом, но ничто не вечно в этом мире, в том числе и вещи Древних – он внезапно перестал работать, и все попытки запустить

его снова закончились плачевно. И это при том, что месторождений железа теперь два, и оба они нуждаются в пресной воде.

«И что он желает предложить? Вставить на линию по доставке воды на Анхейм? Работа скучная, но стабильная, а если еще и будет неплохо оплачиваться!.. Есть над чем подумать. Хотя, конечно же, им потребуется не такой малыш, как „Небесный странник“».

Как выяснилось, и провидец из меня получился неважный. Предложение Досвира заключалось в следующем: он искал желающих отправиться на остров Неистовых ветров и доставить с него несколько подобных механизмов.

– А они там есть, – убежденно заявил Досвир. – То устройство, что пришло в негодность, привезли именно оттуда. Хотя и произошло это событие без малого полсотни лет назад, капитан, доставивший его, утверждал, что таких механизмов там несколько, жаль, что привез он только один. Самое смешное, он оказался там случайно, и захватил его больше на всякий случай, даже не подозревая, для чего он предназначен и какова его настоящая цена. Так же случайно механизм привели в действие, после того, как он пролежал пару десятков лет невостребованным.

«Одни случайности», – подумал я.

– Так для чего же нас здесь так много собралось? – обратился я к Досвиру. – Вы желаете устроить конкурс или же просто кинуть на костях, кто за ними отправится? И почему

никто не отправился раньше, проблема-то не сегодняшняя? Кстати, каков будет приз за каждый из них?

Начал Досвир с того, что ответил на последний мой вопрос:

– Господин Жануавье готов заплатить за каждый работающий механизм пятьсот ноблей.

Вот тут, услышав цену вопроса, я действительно вздрогнул. Три механизма, и у меня будет новый корабль. При условии, конечно же, что я продам прежний.

Но почему все остальные дружной толпой не бросились к дверям, торопясь добраться до своего корабля и первым отправиться на остров? Почему, прибыв в Алавесир, мы не застали пустующее поле, увидев только на горизонте армаду летящих в сторону острова Неистовых ветров кораблей? Все присутствующие услышали предложение задолго до меня.

– На остров трудно попасть? – напрямую спросил я.

Седоусый, вновь уставившийся на Николь, ответил первым:

– Практически невозможно. Даже не представляю, как смог там оказаться тот, что доставил механизм сюда. Вот мы все сидим и размышляем, Сорингер, стоят ли даже большие деньги такого риска?

Затем обращаясь уже к Досвиру, поинтересовался:

– Может быть, вы подрядите несколько кораблей для доставки воды на Анхейм? Думаю, при соответствующей оплате, желающих будет более чем достаточно.

Досвир ответил не задумываясь:

– Господин Жануавье рассматривает этот вариант как самый крайний. И не стоит забывать, что у него имеются и собственные корабли.

После чего он обратился ко мне:

– Вот вы, капитан Сорингер, смогли бы взяться за это дело? Признаться, я немало о вас наслышан от господина Хьюза. Великий каньон, полет над морем Мертвых... Не думаю, что путешествие на остров будет более сложным.

Николь взглянула на меня, и я никак не мог истолковать ее взгляд. На всякий случай я приобнял ее и поцеловал куда-то в висок. Что же касается вопроса Досвира...

Вместе со мной здесь сидит добрый десяток капитанов летучих кораблей. Некоторые из них провели в небе не меньше, а то и больше лет, чем я вообще живу на этом свете. Но ни один из них не торопится дать согласие, несмотря на весьма недурственный приз. Ни один. И до моего прибытия сюда, вероятно, было то же самое, судя по тому, как все переглядываются, не польстившись на такую щедрую оплату. Значит, и мне все это даром не надо. Портить отношения резким отказом с неведомым мне господином Жануавье в планы никак не входило, и потому я ответил уклончиво:

– Вначале мне необходимо выполнить обязательства перед господином губернатором, что займет несколько дней. Затем, – я пожал плечами, – я подумаю над вашим предложением.

Возможно, за этот срок все решится само собой. Или выяснится что-то такое, что даст возможность взглянуть на ситуацию несколько иначе.

Досвир кивнул, собрался сказать что-то еще, но тут дверь резко распахнулась, и в таверну вошел капитан Солетт. Он не стал шуриться, поскольку за окнами уже смеркалось, и в зале зажгли свечи в нескольких канделябрах. Наоборот, он широко раскрыл глаза и прямо с порога заорал:

– Сорингер, мать твою, ты-то здесь как очутился? На этих проклятых самым Создателем Островах?

Сколько я знаю Ника Солетта, говорить спокойно он не в состоянии. Он либо молчит, либо орет так, что уши закладывает. Однажды эта дурная привычка чуть не погубила и его и меня, и Ник должен быть мне благодарен за то, что я фактически спас ему жизнь.

– Приветствую вас, господа, – на ходу бросил он, приближаясь ко мне, заранее раздвигая руки для объятий.

«Есть в нем все-таки что-то медвежье, – поморщился я после того, как наше приветствие закончилось. – Наверное, по всей таверне было слышно, как у меня захрустели ребра».

– Леди! Вы – само очарование! – перенес он свое внимание на Николь, и я едва успел показать кулак: «Только ляпни что-нибудь лишнее! А тебе есть, что рассказать такого, чего не должна знать эта девушка». Не помогло.

– Никогда не понимал, Сорингер, – заявил он, усаживаясь между мной и Чарни Хьюзом, – и что только красивые жен-

щины в тебе такого находят? Вот помню...

Я показал кулак ему во второй раз. Со второй попытки подействовало, он заткнулся на полуслове. На всякий случай налив полный кубок, я поставил его на стол перед самым носом Солетта. Тот опустошил его не отрываясь, и заговорил уже о другом:

– Что, господин Досвир, все ищите дурака среди капитанов, желающего отправиться на остров? Вряд ли вам удастся найти, дураки обычно до капитанов не дослуживаются.

Затем толкнул меня локтем в бок:

– Рассказывай, Люк, какими судьбами здесь?

Взглянул на Николь, получил теперь локтем в бок уже от меня, и снова обратился ко всем:

– Губернатор, кстати, объявил крупную награду за ночного убийцу.

– А это еще кто? – удалось спросить мне, пользуясь тем, что он вливал в себя содержимое кубка, наполненного им уже самостоятельно.

– Да этот, альвендиец, еще не слышал о нем? Бойся его, Сорингер, ему такую скорлупку, как «Небесный странник», прихлопнуть как раз плюнуть. Если он, конечно, на нее польстится.

Солетт довольно хохотнул тому, что он подразумевает под юмором.

– Ну разве что взять в плен прелестную незнакомку, – и Ник со значением посмотрел на Николь.

– Меня уже взяли в плен, причем навсегда, – девушка оторвалась от беседы с дамой, занимавшей место напротив, и на миг прижалась щекой к моему плечу. – Правда милый? – и она взглянула на меня таким подчеркнуто влюбленным взором, что Солетт даже крикнул.

Я повел левой бровью: мол, дело настолько очевидное, что непонятно только дуракам, а они, как известно, до капитанов не дослуживаются.

– Слышал, Ник, слышал, и даже успел спасти команду подбитого им корабля. Ты сам, поди, еще не знаешь, что последней жертвой, как ты его назвал – Ночного убийцы, стала «Красавица Фелиппа»?

Судя по лицу, он действительно не слышал о гибели «Фелиппы».

– Пятый корабль, – против своего обыкновения, эти слова он прошептал так тихо, что я едва их разобрал.

* * *

– Было очень весело, – сообщила мне Николь, когда час спустя мы под ручку возвращались на «Небесный странник». – И все такие милые. Только ты слишком глазел на этих паурянок, мог бы и на меня побольше внимания обращать, – притворно-горестно вздохнула она.

– Тебе и без того не было скучно, – немедленно парировал я. – Особенно с этим, соседом. Благо, что вовремя при-

шел Рианель, иначе я бы даже не знаю, чем все закончилось. Кстати, могла бы и раньше на него повлиять, чтобы он от тебя отстал.

– И ничего я на него не влияла, Люк, – возмутилась Николь. – Ты же знаешь, что свой дар я использую очень-очень редко.

– А чего это он так внезапно потерял к тебе интерес? Как будто отрезало.

– Я ему сказала, что мой муж очень ревнивый, – засмеялась она. – Очень-очень. И что иногда меня это даже злит. Ему хватило.

Признаться, я запнулся на ровном месте.

«Муж? Она сказала муж? – я посмотрел на нее, все еще смеющуюся. – Может быть, прямо сейчас предложение и сделать? А чего тянуть? С другой стороны, получится не слишком романтично. Да и кольцо в каюте лежит. Так не пойдет: предложение сейчас, кольцо потом. Нет, надо будет выбрать более подходящий случай».

– А ты молодец, Люк, – продолжила она, – что отказался от предложения.

И я запнулся снова. Николь что, мысли мои прочла? Ну и почему я тогда молодец?

– Не стоит оно тех денег, которые за него предлагают. Да и бо2льших тоже не стоит. Иначе кто-нибудь давно уже согласился.

– И сам так думаю, – успокоился я, когда понял: речь идет

о предложении Досвира, но не о моем. – Кстати, что это за дама, с которой ты все время разговаривала? Чья-то жена?

Женщина, сидевшая за столом напротив нее, выглядела лет под сорок, и потому вряд ли она могла быть чьей-то любовницей. Ну и не корабельный же она кок, в конце концов, за столом собрались только капитаны и навигаторы.

– Жесмина? Она капитан вон того ганипурца, – и Николь указала рукой на стоявший почти у самого берега залива корабль.

– Капитан летучего корабля? – не скрою, я удивился. Ни разу не слышал, чтобы капитаном была женщина. То-то я принял ее за чью-то жену, у жен зачастую взгляд бывает таким властным. Интересно, а у Николь он станет таким же, когда я на ней женюсь?

Я взглянул на нее. Девушка в свете полной луны выглядела так, что я подумал: пусть он будет любым, только не тоскливым, не презрительным и не разочарованным.

* * *

«Это он, точно он, – взволнованно подумал я. – Ошибки быть не может!»

– Брендос, бейте тревогу!

Навигатор, не раздумывая, одним прыжком преодолел расстояние до корабельного колокола и зазвонил в него часто-часто: аврал!

– Взгляните сами, – протянул я ему трубу, после того как потряс головой от поднятого им оглушительного звона. Пришла запоздавшая мысль, что не стоило устраивать шум: поднять команду следовало по-тихому. Теперь на альвендийце точно знают, что мы их обнаружили. Но все мы хороши задним умом, и я не исключение.

На палубе вскочил на ноги Энди Ансельм, ошалело озираясь вокруг. Он задремал на вахте возле кабестана. С мостика хорошо было видно, как он клевал носом, пока, наконец, сон его не сморил.

Из дверей, ведущих в кубрик, первым выскочил Аделард, в кирасе и шлеме, держа в руках арбалет. Вслед за ним показались и остальные: Род с Амбруазом.

Аднер, занявший отдельную каюту, когда-то принадлежавшую Николь, появился на палубе позже всех. И сразу наделал переполоху: споткнувшись, он сшиб с ног нашего Пустынного льва, угодив ему всем телом сзади под колени. Амбруаз нелепо замахал в воздухе руками и, чтобы удержаться, схватился за Мирру, увлекая ее за собой. Девушка упала на него сверху, потянув за собой уже самого Аднера.

Досталось и Энди Ансельму, грудью вставшему на защиту кабестана. Ограждение вокруг ворота хлипкое, и он отлично понимал – обрушья вся эта куча мала на привод, и прокрути его, особенно в правую сторону, последствия могут быть катастрофическими. В общем, его тоже сбили с ног, и теперь на самом верху находился он. Несший вахту на штур-

вале Гвен не смог удержаться от того, чтобы не съязвить, не тот характер:

– Думаю, что Мирре к подобному не привыкать.

В любое другое время мне не удалось бы удержаться от смеха, слишком уж забавная сценка разыгралась на наших глазах, но сейчас я даже не улыбнулся, не до этого.

«Надо же, еще и двух дней не прошло, как мы разговаривали об этом альвендийце, прозванным Ночным убийцей, и вот вам, пожалуйста: нам пришлось встретиться с ним лично. А в том, что это именно он, никаких сомнений быть не может», – разглядывал я через трубу заходивший к нам с кормы корабль, лихорадочно обдумывая свои действия на случай различных ситуаций.

Нет, сомневаться не приходится: он выглядит в точности таким, как его и описывали люди с погибшей «Красавицы Фелиппы». Темный, почти плоский и более широкий корпус по сравнению с привычными для меня летучими кораблями. Носовой надстройки практически нет, а кормовая больше похожа на башенку. Две мачты с гафелями, на которых парусах были убраны.

И если уж он не тот самый Ночной убийца, то в любом случае альвендиец. И намерения его весьма очевидны: зайти к нам с кормы, пройтись днищем по палубе, ломая все на своем ходу. А днище и нижняя часть бортов у всех летучих кораблей одинаковы: они всегда из железа. Это и есть сама основа корабля, на которую уже достраивается все осталь-

ное. Так что им самим удара можно не бояться. Но не нам, ведь мачта, обрушенная таким ударом, ломая корпус, может сбить настройки л'хассов настолько, что корабль попросту перевернется. Или завалится набок, что в любом случае приведет к падению. К тому же л'хассы вообще могут выскочить из своих гнезд.

«Вся наша надежда только на привод Аднера, – думал я, наблюдая за приближающимся Ночным убийцей. – И еще на то, что они даже не подозревают об этом».

– На палубе! Потушить фонари! – гаркнул я во весь голос. Теперь, когда все на ней собрались, свет как будто бы и без надобности, хотя вряд ли преследующий корабль потеряет нас из виду.

– Капитан, я вниз, – и навигатор Брендос лихо соскользнул на руках по перилам трапа.

– Кирасу не забудьте надеть, – крикнул я ему вслед. Хотя какая там кираса: стеганая конским волосом безрукавка из толстой бычьей кожи, с нашитыми на нее там и сям металлическими бляхами.

Обнаружить альвендийца мне удалось совершенно случайно. Мы летели вдоль высоченной гряды скал, закрывающей с западной стороны полнеба. Дул мощный попутный поток, на удивление теплый, и «Небесный странник» шел под парусами. Ночь, звездное небо, тишина, и только тихонько поскрипывал рангоут. Брендос, сменившийся с вахты, спустился в каюту, а затем снова поднялся на мостик.

– Не спится, – пожаловался он. – Что-то в последнее время бессонница замучила.

«Это из-за Гармелинты, – подумал я, но вслух говорить ничего не стал. – Зря вообще на Энстад заглянули».

Мы немного поговорили с Брендосом о вечере в таверне Алавеси́ра, и вдруг мне кто-то будто на ухо шепнул. Благо труба Древних позволяет видеть в полной темноте. Правда, посмотреть мне захотелось вниз, на землю, там как будто бы какая-то искра промелькнула. Ничего внизу я не увидел, и совершенно случайно посмотрел на склон горы. Посмотрел и вздрогнул, разглядев несущийся прямо на нас корабль без единого огня на борту. После чего все и завертелось.

В темноте было слышно, как возятся Аделард с помощниками с установленной на носу аркбалистой, кстати, единственной у нас. По уму ее следовало бы держать на корме: трудно представить, что такой корабль, как «Небесный странник», будет кого-то преследовать, не те у него размеры. Но после того как ее усовершенствовал Аднер, она стала стационарной. С другой стороны, и без аркбалисты на мостике особенно не развернешься, так что с ней и к штурвалу протиснуться станет проблемой.

Я снова взглянул на альвендийца, чтобы увидеть: он заметно приблизился. Чего там – альвендийский корабль увеличился в размерах прямо на глазах. На баке у него стояли люди, но к нашей радости, они не могли применить установленную там катапульту, пока Ночной убийца находился вы-

ше нас. Был виден и мостик вражеского корабля – там тоже находилось несколько человек, и к глазам одного из них была прижата труба.

«Наверняка она такая же, как и у меня в руках – способная видеть сквозь мрак ночи. И тогда становится понятно, как им удаются ночные нападения, когда темнота хоть глаз выколи». Моя труба давала достаточно приближения, чтобы увидеть, как этот человек, несомненно, капитан, отдал какое-то распоряжение штурвальному и тот закрутил колесом.

Затем он сказал что-то еще, обращаясь уже к окружающим его людям.

– Энди, чуть ниже, – распорядился я.

Нельзя трогать устройство Аднера раньше времени, наш мостик виден им как на ладони.

– Гвен... – начал я, затем подскочил к штурвалу и сам направил «Небесный странник» в сторону недалеких гор.

– На них держи, – освободив место Гвенаэлю, я тут же приставил к глазам трубу.

Было отлично видно, как лицо вражеского капитана тронула улыбка, по всей видимости, снисходительная: мол, дергайтесь не дергайтесь, но вряд ли вам удастся уйти. Прыжками на мостик поднялся навигатор Брендос, в своей кирасе-безрукавке и со шлемом на голове.

– Что на палубе? – спросил я у него и, не дожидаясь ответа, крикнул: – Родриг! По команде убрать грот.

Да и зачем спрашивать, и так все понятно без слов, доста-

точно бросить на нее единственный взгляд. Амбруаз мечется по камбузу, собирая запас продуктов на тот случай, если нам придется покинуть корабль, чтобы скрыться в растительности острова. Аделард с Аднером застыли у аркбалисты, дожидаясь подходящего момента ее применить.

Николь с Миррой выглядывают из открытых дверей капитанской каюты, превращенной в лазарет. И правильно, нечего им на палубе делать. Родриг стоит рядом с Энди Ансельмом, и оба они смотрят за корму, пытаясь хоть что-то разглядеть в темноте. Все остальные – Брендос и Джори – на мостике, рядом со мной.

– Рианель, по команде подключите привод. Давайте полный ход, только не сразу, постепенно, мало ли что.

Брендос подскочил к рычагам и взялся за правый, тот, что подключал привод, – я специально проследил, менять высоту нам пока ни к чему.

– Приготовились!

Все, тянуть больше нельзя, начинаем. Нос вражеского корабля завис совсем близко от нашей кормы, несколько мгновений – и все, столкновение неизбежно.

– Убрать грот! Брендос – привод. Гвен – руль лево на борт!

«Сейчас и увидим, действительно ли для альвендийцев не секрет то, что давно установлено у нас на корабле. Если Ночной убийца умеет только планировать, то против ветра (а именно туда я и направил „Небесный странник“) продолжить преследование ни единого шанса у него нет».

Брендос немного перестарался, двинув рычаг вперед, подключая замечательное устройство Аднера. Возможно, по неопытности, возможно, из-за волнения. «Небесный странник» сильно дернулся и, поскольку Гвен положил руль на борт, опасно накренился. Все мы услышали испуганный вопль Мирры, но маневр удался отменно: альвендиец прошел стороной, и мы расходились теперь противоположными курсами.

В который раз я взглянул на альвендийский корабль, чтобы узреть на его мостике донельзя изумленное лицо капитана.

– Что, не ожидал?! – полный злорадства, я застучал свободной от трубы рукой по планширю.

С носа «Небесного странника» раздался звук, как будто по деревянной плахе застучали молотом: Лард и Аднер нашли нужный момент, чтобы применить усовершенствованную аркбалисту. А она, благодаря Берни, могла теперь стрелять изрядно чаще, и дюжину стрел выпускала всего за пару минут.

На каждом третьем ударе я непроизвольно морщился: каждая стрела обошлась мне в четыре медные клипы. Со всем дешево, можно сказать, если не принимать во внимание, что в серебряном геллере двенадцать клип, а серебро – это уже деньги.

«Не время деньги считать, – одернул себя я. – Покойникам они ни к чему, а нам еще предстоит уйти от Ночного

убийцы живыми, и это только начало».

Одним прыжком оказавшись у борта, я перегнулся через него и поднес трубу к глазам. Альвендиец теперь находился ниже, и сверху хорошо было видно, что деньги мои не пропали зря: большая часть выпущенных из аркбалисты стрел угодила точно по назначению. Да и крики, раздавшиеся с борта альвендийца, говорили о том же. С Аделардом не забалуешь, он – воин.

Жаль только, что не угодила ни одна стрела в привод альвендийца, глядишь, и сверзился бы он с небес на землю, туда бы ему и дорога.

– Энди! – заорал я, отскакивая от борта. – Кабестан на подъем!

И тут же добавил:

– Стоп!

К чему отдавать команды, когда привод к л'хассам выведен на мостик, и стоит только потянуть рукоять на себя. Так я и сделал, одновременно толкая вперед другой рычаг, тот, что приводил «Небесный странник» в движение, давая максимальный ход.

– Гвен, точно правь на него. Попробуем пройти сверху над ним.

Поначалу мне пришла мысль подставить набирающему высоту врагу железное днище «Небесного странника», но видя, как быстро он это делает, я тут же отказался от этого намерения.

– Руль влево, больше лево, еще больше, попробуем от него оторваться.

Нам бы отдалиться от альвендийца как можно скорее, потому что на его борту есть и аркбалисты, и несколько серьезных катапульта.

Через некоторое время выяснилось, что прав был навигатор погибшей «Красавицы Фелиппы», а не седоусый капитан «Длани возмездия»: теперь, когда «Небесный странник» шел прямо против ветра, альвендиец, удивительно быстро поднявшись выше, следовал вслед за нами и отставать не собирался. Мало того, он медленно, но неотвратно приближался. Пользуясь мы оба только парусами, возможно, мне легко бы удалось от него уйти благодаря своему дару видеть воздушные потоки, но увы.

Спустя час погони выяснилось, что преследующий корабль превосходит нас в скорости, наборе высоты и снижении, но уступает в маневренности.

«Небесный странник», благодаря приводу Аднера, развивал максимальную скорость, после чего сразу же начинал опасно раскачиваться с кормы на нос, не забывая при этом переваливаться с борта на борт. Ход приходилось сбавлять, и альвендиец снова к нам приближался.

«И что им от нас надо? – с тоской думал я. – Тоже мне, нашли себе достойную цель. Даже Ник Солетт сомневался, посмеиваясь. Много ли с нас взять? Разве что л'хассы. Ведь каждый из них является немалой ценностью. Обычно на ко-

раблях такого размера, как „Небесный странник“, их три, максимум пять. У нас же л'хассов целых семь, но они-то как об этом могут знать? Наверное, завидя нас, альвендийский капитан посчитал мой корабль легкой добычей.

И после того как его план сорвался, теперь для него дело чести покончить с нами».

Когда Ночной убийца опасно приблизился на расстояние выстрела из катапульты, я отослал Гвенаэля вниз, на палубу.

– Господин навигатор, займите место за штурвалом. А ты Гвен, иди в мою каюту, и убеди Николь с Миррой ее покинуть. Куда угодно, хоть на камбуз, хоть в трюм, но лишь бы они оттуда ушли.

Капитанская каюта расположена в кормовой надстройке, и потому велик риск, что в нее, пробив борт, угодит каменное ядро или стрела. Однажды так уже случилось, над джунглями Эгастера, благо каюта оказалась пуста. Хотя мне до сих пор до слез жалко тот великолепный глиняный кувшин для умывания, разнесенный в черепки. Шутка, но ведь на его месте мог быть и кто-нибудь из людей.

Да и самому Гвену стоило мостик покинуть – здесь сейчас самое опасное место на корабле, и на палубе ему будет безопасней. Хотя вообще-то стоило отослать туда навигатора, чтобы в случае, если со мной что-нибудь случится, корабль не остался без командования. Но, зная его характер, я даже не стал пытаться его убедить, а приказывать не хотелось.

– Ваши соображения, господин Брендос, – задал я вопрос

навигатору, когда мы остались на мостике наедине.

Тот, прежде чем ответить, взглянул за корму, на заметно приблизившегося альвендийца, видимого уже безо всякой трубы – скоро рассвет.

– Признаться, ничего в голову не лезет. Разве что, маневрируя, постараться оказаться в более густонаселенных местах – в крайнем случае, если придется приземлять корабль и спасаться бегством, нам будет где укрыться.

«Вот и мне в голову абсолютно ничего не идет. Рианель прав и в том, что неплохо бы наткнуться на какое-нибудь селение, причем не местное, не паури. Я приземлил бы „Небесный странник“ прямо на центральной площади, если таковая у него имеется. Или на окраине. Проблема ведь еще и в том, что внизу только горы, горы, и еще раз горы. Высокие и ниже, голые и покрытые невысокой растительностью, и в ней невозможно укрыться. Что ж, будем по-прежнему убегать от них и искать любую возможность, чтобы спастись».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.